

ДЖОРДЖЕ АНИЧИЧ

СМЕНА

Джордже Аничич

**Смена. Военный дневник
подполковника Джордже Аничича**

«Гангут»

2022

УДК 327.5/358.116
ББК 68.514

Аничич Д.

Смена. Военный дневник подполковника Джордже Аничича /
Д. Аничич — «Гангут», 2022

ISBN 978-5-85875-623-1

Второе издание на русском языке, исправленное и дополненное. Издание этой книги на русском языке организовала группа друзей Сербии в знак солидарности и благодарности братскому сербскому народу и воинам ПВО Югославии (СРЮ) за героическое отражение агрессии стран НАТО в 1999 году. По согласованию с автором книги настоящее издание дополнено информационно-справочными фотографиями, а так же фотографиями из архива переводчика. Фотографии со знаком (*) из авторского варианта книги. Фотографии со знаком (**) публикуются впервые. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 327.5/358.116

ББК 68.514

ISBN 978-5-85875-623-1

© Аничич Д., 2022

© Гангут, 2022

Содержание

От автора	6
Смена	8
Среда, 24.03.1999	8
Четверг, 25.03.1999	10
Пятница, 26.03.1999	12
Суббота, 27.03.1999	14
Воскресенье, 28.03.1999	19
Понедельник, 29.03.1999	21
Вторник, 30.03.1999	22
Среда, 31.03.1999	23
Четверг, 01.04.1999	25
Пятница, 02.04.1999	27
Суббота, 03.04.1999	30
Воскресенье, 04.04.1999	32
Понедельник, 05.04.1999	34
Вторник, 06.04.1999	37
Среда, 07.04.1999	38
Четверг, 08.04.1999	40
Пятница, 09.04.1999	43
Суббота, 10.04.1999	47
Воскресенье, 11.04.1999	49
Понедельник, 12.04.1999	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джордже Саве Аничич
Смена. Военный дневник
подполковника Джордже Аничича

© Аничич. Дж., 2022

© А. Б. Казаков, перевод, 2022

© ИПК «Гангут», подготовка издания, 2022

От автора

В 3-м ракетном дивизионе 250-й бригады ПВО я пережил безумные налёты авиации НАТО во время войны 1999 года, пережил вместе с этим дневником, который я вёл каждый день в период невиданной агрессии девятнадцати технически хорошо оснащённых стран против нашей слабо вооружённой страны. С ним я пронёс любовь к своей земле и боевой опыт, который приобрел из необходимости защитить и уберечь свою жизнь и жизни моих подчинённых, которые были мне доверены командованием.

Когда прижмёт беда, и когда все поймут, что оборона и жизнь неразделимы, тогда даже при техническом превосходстве случается непредсказуемое. Именно такой сюрприз приготовил 3-й ракетный дивизион ПВО, которому к общему удивлению мировой общественности удалось поразить ракетой и сбить „невидимку“ F-117A, гордость американской технологии „Стелс“. И не только его, но и самолёт F-16CG с вещественными доказательствами. И, по всем признакам, ещё и стратегический бомбардировщик B-2A „Spirit of Missouri“. Расследование данного события всё больше является объектом внимания отечественной и зарубежной журналистики.

Уничтожение „невидимки“ вызвало бурную реакцию СМИ у нас в Югославии и во всём мире. Освещая этот яркий и небывалый подвиг, все без исключения медийные источники в основном подчёркивают исключительную заслугу в этом командира 3-го ракетного дивизиона, совершенно не учитывая причастности к этому событию его заместителя и всего боевого расчёта. Я долго откладывал публикацию этого дневника, чтобы написанное в нём открыло людям глаза на свершившуюся несправедливость, и чтобы сказать, что заслуга упомянутого достижения принадлежит всему коллективу ракетного дивизиона. Ведь совершенно очевидно, что для уничтожения самолёта ракетной системой недостаточно одного человека, необходимо участие команды. И в дневнике написано, что именно так оно и было. Специалисты об этом знают и подтвердили это, однако СМИ по-прежнему заблуждаются в этом вопросе. Надеюсь, что публикация этого дневника поможет восторжествовать правде. Мы должны сказать правду как для медиа-сообщества, так и для людей, которые приняли участие в том, чтобы „невидимка“ стал видимым. И, наконец, эта правда нужна для истории – нашей и мировой.

Это не роман, не отчёт по анализу боевых действий. Это военный дневник, который описывает ситуацию в подразделении, отражает состояние общества того времени и роль человека в нём. Дневник написан правдиво и достоверно, написан в спешке простым и понятным языком, без намерения кому-либо понравиться, невзирая на должности и звания. Каждый человек отображён таким, какой он есть, я только это записывал. В дневнике много мелких деталей реальных событий, изложенных в хронологическом порядке, описаны боевые действия, достоинства и недостатки людей, есть сомнения и размышления. Пишу я и об отношении вышестоящего командования к нам и нашим судьбам. В нём показана помощь местного населения, полиции, радиолюбителей и граждан. Дневник показывает организационные недостатки подразделения мирного времени и не устранённые во время войны, и какими мы вошли в войну, каковы были ожидания государства относительно нас. „Смена“ показывает некоторые аспекты отношения государства к армии, нехватку в боевых подразделениях некоторых элементарных вещей для ведения боевых действий. Годами не было поставок и обновления в снабжении, а войну пришлось вести с самыми технологически развитыми странами и без единого союзника.

Кто-то из читателей может заплакать при чтении некоторых частей дневника и задаться вопросом – как это возможно? Дневник даёт возможность каждому самому судить об этом.

Этот дневник я писал из глубокой человеческой потребности оставить обо всём хоть какой-то след в будущем. В конце концов, как оставил след генерал Величкович, который стал самой высокопоставленной жертвой бомбардировок. Чтобы оставить след о себе, о событиях, о дивизионе, о людях в составе боевого коллектива и вне его, с которыми я контактировал и взаимодействовал в дни того трагического времени. С этими людьми я делил военные тревоги и обязанности, узнавал их слабости, их силу и честность. Некоторые из них проявили бесстрашие и широту души, преданность долгу и порядочность, другие наоборот – трусость, убогость и низменность, моральную неустойчивость и эгоизм. Воистину, в условиях войны при большой вероятности погибнуть люди лучше всего проявляются. Видно, кто и насколько морально и социально адекватен. И, конечно, на сущность человека и его поведение в боевой обстановке решающее влияние оказывает его патриотизм, его воспитание и темперамент.

Из этого дневника читатель может почерпнуть для себя много полезного. Между тем, что-то может быть недостаточно понятным о степени улучшения технического, кадрового и морального состояния 3-го ракетного дивизиона ПВО в предвоенный период, с учётом того, что накануне войны он был одним из наименее подготовленных подразделений 250-й ракетной бригады ПВО. Только что получив кадровое и техническое предвоенное усиление, во время войны он станет лидером. Перед войной автор этих строк был назначен на должность заместителя командира этого дивизиона. Но с условием, что его командир во всех отношениях будет уважительно относиться к нему. Тем не менее данное слово в период войны не выполнялось, подтверждение чему читатель найдёт при чтении этого дневника. На самом деле несоблюдение слова, данного в предвоенное время, выразилось в известном злоупотреблении ресурсами дивизиона и в его непрофессиональном отношении к сослуживцам, особенно, когда речь шла о действиях, которые привели к уничтожению упомянутых самолётов.

Таким образом, накануне войны в техническом и кадровом отношении наш дивизион был готов вести боевые действия в течение всего времени, которое охватывает повествование дневника. Кроме этого, были выполнены и другие подготовительные мероприятия (обеспечение боеприпасами, топливом, смазочными материалами, генераторами и др.), которые позволяют дивизиону нормально функционировать. И, наконец, была проведена подготовка, касающаяся непосредственно его организации и обеспечения. И дополнительная подготовка личного состава, несмотря на его профессионализм и высокий моральный дух.

Тем не менее, все эти подготовительные мероприятия сопровождалось упущениями и негативными тенденциями, которые из общества „перекочевали“ в армию. Эти упущения поставили под угрозу вертикаль боевого управления, но она устояла. Кого-то превознесла, кого-то недооценила. Многие, чьим жизням не угрожала опасность, были пассивны, безразличны и эгоистичны. Никто не имеет права играть чужими жизнями и каждый должен отвечать за свои поступки, невзирая на звания и должности. Между тем никто из состава 3-го ракетного дивизиона никогда не сомневался в необходимости защиты своей страны. Мы все знали, что должны сделать всё, чтобы выжить, защитить свою страну и максимально использовать возможности оружия, которое у нас было. Война показывает, кто ты есть. О некоторых упущениях командования читатель узнает из этого дневника. Если будет желание узнать больше об этих упущениях, о предвоенных приготовлениях и атмосфере в среде военных, то эту информацию можно получить из других источников. Этот дневник, по сути, является субъективным взглядом на минувшие события. А теперь я предоставляю читателю возможность самому прочитать мой дневник и поразмышлять над его содержанием.

Джордже Саве Аничич

Смена

Среда, 24.03.1999

Сегодня переходим на другую позицию. Время готовности к маршу – 11.00. Готовимся к перемещению с двумя пусковыми установками. Выдвигаемся по отдельности сразу после перевода техники из боевого в походное положение. Необходимо подготовиться для размещения на запасной огневой позиции в районе деревни Шимановци.

Предстоит сделать:

- собрать имущество – каждый на своем уровне и в основных подразделениях;
- на месте основной огневой позиции после эвакуации установить муляжи;
- раздать командирам подразделений списки всех резервистов;
- автоцистерну для нейтрализации с огневой позиции подготовить для хранения питьевой воды;
- сформировать караул, проинструктировать командиров основных подразделений. Командир ракетной батареи майор Милорад Роксандич должен назначить начальником караула одного из сержантов, а из солдат назначить караульных для двух постов и кинолога. Охранение организовать путём наблюдения. Всего семь человек;
- водитель автобуса Лукич должен перевезти людей на новую позицию;
- вывезти пишущую машинку и военную канцелярию. Компьютер привезти позже;
- взять таблицу сигналов боевого управления и инструкции к ним из мобилизационной комнаты;
- назначить дежурного офицера и его помощника по лагерным помещениям;
- взять с собой ежедневные распоряжения, а также таблицу ключей команд и оповещения на второй квартал и рабочий лист на апрель;
- вести оперативный дневник по установленной форме.

В 12.15 начальник штаба 250-й бригады ПВО полковник Драган Станкович приказал задействовать посты визуального наблюдения (ПВН) в секторе ответственности. В соответствии с заранее определённым планом и техническими средствами сержант 1 класса Зоран Тепавац отправился с необходимыми ему людьми на задание. Среди них были:

- Желько Ячич – сержант ракетной батареи;
- Предраг Манич – солдат-резервист;
- Саша Циврич – солдат-резервист;
- Давор Црепуляр – солдат-резервист;
- Деян Митрович – солдат-резервист.

В 16.25 я позвонил на пункт мобилизации и комплектования 250-й бригады ПВО (далее – Бригада) и спросил, что делать с мобилизационной документацией. Ответил сержант 1 класса Горан Михайлович. После консультации с начальником призывного пункта он велел взять с собой всё, что нам необходимо, а остальное закрыть в сейфе мобилизационной комнаты.

Мы долго ждали возвращения Тепавца. Он в двух местах размещал наблюдателей ПВН. Подполковник Дани и подпоручик Дарко Николич с техникой около 19.00 последними покинули огневую позицию. На своём автомобиле они буксировали пусковую установку.

Около 19.30 из штаба Бригады поступил сигнал „Воздушная тревога“. Я сообщил об этом начальнику караула сержанту Мирославу Денчеву, который с семьёю солдатами находился на огневой позиции. Я объяснил ему, что нужно делать. По его голосу я понял, что он взволнован и насторожен.

В 20.05 из казармы убыли майор Борис Стиоменов (инженер дивизиона), Радислав Йович и Славко Варга. Майор Бошко Дотлич (заместитель командира по тылу), прапорщик 1 класса Мича Миялкович (интендант). А я с офицерами, сержантами и солдатами-тыловиками остались дожидаться возвращения Тепавца.

В 20.06 слышались первые взрывы на основной огневой позиции на дороге Яково-Большевци. Мы выскочили из здания казармы в деревне Яково и стали смотреть в сторону огневой позиции. Вспышки были не видны, но ощущалось интенсивное вздрагивание земли.

Около 20.15 с тыловиками прапорщиком Вукосавом Жугичем, старшим сержантом 1 класса Миланом Барвалцем, мастером механиком Миленко Голубовичем и солдатом Мальковичем мы отправились на запасную огневую позицию в Шимановци.

При выходе из Якова вблизи свинофермы у нас сломался автомобиль. Мы оставили Жугича и мастера Голубовича для ремонта автомобиля. В этот момент на огневой позиции раздался сильный взрыв с яркой вспышкой. Ещё один взрыв раздался, когда мы сворачивали на дорогу к Бечмену. Стало ясно, что это начало агрессии и что мы были целью первого удара. Мы переживали за караульных, оставшихся на огневой позиции.

Четверг, 25.03.1999

Техника размещена на запасной огневой позиции в районе деревни Шимановци. У меня была задача разместить тыловые подразделения, расположить автотранспортные средства в ангарах и обеспечить жильём личный состав. Затем я взял расчёт ПЗРК „Стрела-2М“, отвёз и разместил их в Прхово, объяснил людям их обязанности. Записал номер телефона для связи с ними.

Из Прхово я вернулся на огневую позицию в Шимановцах и увидел, что подразделение переводило технику в боевое положение при свете автомобильных фар. Это мне не понравилось, потому что мы находились в боевых условиях. Я приказал командирам погасить фары и перейти на освещение ручными фонариками. Донеслись звуки взрывов, вдали были видны вспышки – бомбили аэродром Батайница. Самолёты летели высоко над нами.

Техника переведена в боевое положение. Во время проведения контроля функционирования в кабину вбежал старший сержант Драган Матич, оператор системы (а при боевой работе – оператор ручного сопровождения) и крикнул: „Джордже, опять бьют „Томагавками““. Я приказал расчёту покинуть кабину и удалиться от техники. Было ясно, что при развёртывании техники при свете фар нас заметили с воздуха и теперь знали позицию, на которой мы расположились. Они разбили основную позицию, почему бы не сделать тоже с запасной. Ещё необходимо сориентировать технику, поставить пусковые установки с ракетами и установить связь с вышестоящим командованием. Техника была переведена в боевое положение около 4 часов утра.

Подполковник Драгован Матиевич, мой однокашник по Академии, заместитель командира 250-й бригады ПВО по информированию и морально-политической работе, вместе с подполковником Драгом Стоячичем, тоже из штаба Бригады, свернули на нашу основную огневую позицию, когда возвращались из Прогара. Они ехали, чтобы посетить 5-й ракетный дивизион, который располагался в районе деревни Прогар, командиром которого был подполковник Мирослав Носков. Они не могли попасть на нашу позицию, потому что район был заблокирован. Позиция в огне. Нарастает беспокойство о судьбе семи человек, которые остались в карауле. Живы ли они?

Между тем командир дивизиона подполковник Золтан Дани, офицер безопасности поручик Бора Црнобрня, оператор системы сержант 1 класса Деян Тиосавлевич и командир 1-го взвода (офицер наведения ракет) капитан 1 класса Сенад Муминович отправились на огневую позицию в Яково, чтобы её осмотреть. Там они обнаружили уничтоженный склад ракет (примерно 80 единиц). В центре огневой позиции, на месте расположения УНВ, была воронка диаметром около 5 метров и глубиной около 3 метров в форме правильного конуса. Ущерб бункеру кабины УНК был минимальным. Всё указывало на то, что была применена управляемая бомба с лазерным наведением. Семь человек из состава караула мы нашли убежище напротив бункера для УНК. Все напуганы. Они чувствовали себя принесёнными в жертву. Здание для размещения охраны и боевой смены осталось целым – были лишь разбиты окна, иссечён массив двери в комнате отдыха руководителя стрельбы. Ни один телевизор не был повреждён. Сторожевая собака Эфа, которая охраняла склад ракет, осталась жива, но явно была напугана. В здании и на месте зарядания/разрядания оружия было электричество. Ни одна неоновая лампа не пострадала.

Примерно через 15 минут после прибытия наших офицеров на огневую позицию (на окраине Яково) прибыл начальник штаба 250-й бригады ПВО полковник Драган Станкович с подполковником Драгом Оричем и солдатом-водителем. Станкович приказал Дани продолжить перевод в боевое положение, когда он вернётся на огневую позицию в Шимановци.

На огневой позиции сегодня были оставлены только два человека – сержант Денчев и солдат-резервист Милич.

Весь день мы пытались установить гражданскую связь на месте командира дивизиона в кабине УНК с вышестоящим командованием Бригады, потому что никакой другой связи не было. Мобильный телефон Дани то работает, то нет.

Техника замаскирована, транспортные средства убраны в безопасное место, люди обеспечены жильём. В ту ночь, около 20.30, владелец магазина стройматериалов „Арком“ из деревни Шимановци Зоран Армуш предоставил нам через своего друга из Белграда очень простой способ связи – белградский гражданский номер телефона. „Боже, где мы находимся и что делаем? Кто ещё в этой стране озабочен обороной, и каким образом?“, – подумал я.

Около 22.00 на огневую позицию в Шимановцах в кабину УНК прибыл генерал-полковник Любиша Величкович, тогда уже уволенный с должности командующего ВВС, в сопровождении полковника Вукосавльевича, бывшего командира 250-й бригады ПВО, а теперь советника штаба ВВС по вопросам ракетных войск. Дани пытался ему доложить, но он вёл себя совершенно не по-военному. Прошёл мимо него со злым видом. Приехал на „Мерседесе“, на нём была куртка пилота и под ней свитер, в обычных брюках. Для этих условий он был очень легко одет. Спросил нас, почему мы ничего не делаем и не уничтожаем самолёты. Знаем ли мы, сколько самолётов прошло. Мы ему доложили, что недавно установили связь с Бригадой и не знаем общую ситуацию в воздухе. Сказали, что мы не можем по собственной инициативе что-то делать, пока не получим приказ. Он понятия не имеет о природе нашего дела. Я вспомнил, как на одном инструктаже он сказал, что в случае войны будет командовать авиацией в воздухе, а ракетчиков можно найти на белградском рынке Зеленый венац. Я хотел его спросить: чего ждёт авиация и почему он здесь? Вернулись ли его пилоты из Копаноника с отдыха? Они придают себе мировое значение и развлекают народ на авиасалонах, а когда приходит война, то все взгляды обращены на ПВО. Их обучали, как и нас, – в первую очередь для войны. Судя по всему, Величкович не любит людей. Как будто мы виноваты в том, что началась война, и авиация НАТО прорвалась к объектам. Полковник Вукосавльевич сказал в наше оправдание, что мы не должны ничего делать без разрешения командования Бригады. Они сели в „Мерседес“ и уехали, чтобы попробовать найти место дислокации командного пункта 250-й бригады ПВО.

Получен сигнал „Готовность № 1“. Техника включена, люди на боевых местах и всё готово для боевой работы. Дани с одной сменой остаётся на технике, а я с другой сменой отправился в лагерь. Двигались мы на грузовом автомобиле ТАМ-150 без огней до выхода на дорогу Шимановци-Прхово. Когда мы должны были выехать на дорогу, нам встретился автомобиль, который направлялся в сторону нашей позиции. Я вышел из машины, чтобы посмотреть, кто это. Это были генерал Величкович и полковник Вукосавльевич в „Мерседесе“. Генерал спросил нас, куда мы едем. Я ответил, что едем в лагерь и что Дани с одной сменой остался на технике. Мне показалось, что ему не всё понятно. Они вернулись, чтобы снова позвонить с нашего телефона, потому что не нашли ни штаб Бригады, ни командира Бригады полковника Мирослава Лазовича. Включив фары на „Мерседесе“ они поехали в сторону нашей позиции. Думал ли генерал, что так демаскирует нас?! Ему было не холодно – в „Мерсе“ тепло.

По прибытии в лагерь мы слушали новости. Узнали, что много объектов разбито и уничтожено. Практически мы ничего не знали о том, как визуально выглядят результаты взрывов и разрушения. Теория – это одно, а практика – совсем другое дело. Война – это наука, и мы в этом отношении были в подгузниках, зная своё техническое несовершенство. Тревога всё больше проникает в людей.

Пятница, 26.03.1999

В 2 часа ночи я, как руководитель стрельбы, со своей сменой прибыл на огневую позицию, чтобы заменить Дани и его смену. Более уставшие чем раньше, невыспавшиеся, грязные, непривычные к войне. Единственное, что было в голове – это осознание того, что мы должны быть быстрыми, очень осмотрительными и пытаться что-то сделать тактически. Для решения задачи были считанные секунды, за которые нужно успеть применить все свои знания и умения. Необходимо за 30 секунд слаженной работы шести членов боевого расчёта уничтожить самолёт, при этом не допустить поражения нас авиационной ракетой противника. Практически вдвое сократить цикл стрельбы по сравнению с нормативами мирного времени. Игра в кошки-мышки. Важно, чтобы каждый делал своё дело, и только в команде. При этом каждый сам справляется со своими мыслями и чувствами.

Я вспомнил Данку – женщину, с которой у меня сложились близкие отношения после разрыва моего прежнего брака. Я скучаю по ней. Она меня любит и беспокоится обо мне. Какой сегодня день войны? Считаю вслух. С утра среды до сегодняшнего дня мы спали всего несколько часов. Хреновые дела. Я ещё не умывался, чувствую запах своего пота, ноги мокрые. Мои сапоги совершенно новые, но уже пропитались запахом пота. Между пальцами ног полно грязи. Проходит время, а я, руководитель боевого расчёта, как в трансе наблюдаю за равномерным вращением чёрточек антенны РЛС. С командного пункта Бригады нас подбадривают, сообщают, что подполковник Бацетич, командир дивизиона из Младеноваца, с боевым расчётом сбил один самолёт.

Когда наступил рассвет, мы работали над тем, чтобы расширить возможности имитатора излучения. У нас есть примерно 500 метров кабеля от центра огневой позиции. Этого недостаточно, чтобы реализовать замысел Бригады по подключению имитатора. Стыдно и обидно за ту армию, у которой нет кабеля, а она должна воевать с НАТО!

Командиру взвода связи подпоручику-резервисту Миодрагу Стояновичу я приказываю пойти в лесничество деревни Купиново и постараться заготовить 50 стволов акации длиной 4,5–5 метров и диаметром 30–45 сантиметров. Они должны быть сырыми. Идеальная защита от НАРМ (противорадарных самонаводящихся ракет). Эти брёвна будем ставить вокруг кабины СНР. Таким образом, защитим расчёт во время боевой работы. Реализация моей идеи не требует материальных затрат. Никто в Бригаде этого до сих пор не применял. Смена боевых расчётов каждые 8 часов. С 10.00 до 18.00 дежурит Дани с расчётом. Моя смена будет с 18.00 до 24.00. После этого мы будем меняться каждые 6 часов.

После дежурства в 10.30 я прибыл в лагерь и получил на пейджер сообщение, что должен срочно позвонить майору Србиславу Поповичу, оперативнику из штаба Бригады. Из кооператива можно позвонить только по гражданской линии, но она перегружена. Я долго пытался дозвониться и с фермы сельскохозяйственного кооператива, и с территории завода „Термомонт“ в Шимановцах, где есть три телефонные линии. С трудом дозвонился по нужному номеру. Командир Бригады полковник Лазович взволнованным голосом сказал, что в районе нашей огневой позиции действуют два „Миража“. Необходимо оповестить расчёт и эвакуировать людей из кабины, иначе они погибнут. Я нашёл автомобиль „Лада-Нива“ и поехал на огневую позицию, чтобы предупредить Дани об опасности.

По прибытии на позицию я обнаружил пустую кабину: Дани с расчётом прокладывал телефонный кабель вдоль канавы с водой в 100 метрах от техники, где они сидели и смотрели на самолёт. Я был удивлён тем, что они там, а не в кабине. Нет комментариев. Я и мой боевой расчёт никогда не покидали боевые места. Да, мы сильно рискуем, но это оправдано. Самолёт был отчётливо виден в 500 метрах над огневой позицией. У нас были портативные ракетные системы стрельбы с плеча, но они находились в округе на расстоянии 10–15 километров. Пер-

вое, что я понял: мы должны иметь свою локальную противовоздушную защиту нашей позиции независимо от других подразделений, расположенных вокруг нас. Использование таких средств должно обеспечить безопасность нашей техники на марше и при переводе в боевое положение, потому что в это время подразделение уязвимо и не может защитить себя. Мы подумали, что они обнаружили нашу позицию и ночью обязательно уничтожат. Позже выяснилось, что случилось чудо, и пилот не увидел расположение нашего дивизиона. Возможно, он решил, что это ложная позиция. Было тревожно. Кабина стала местом ожиданий и опасений.

Всё замаскировано. Я в боевой смене на месте командира в УНК. Во время неприятельского налёта в воздухе и два наших МиГ-29, которые по азимуту 270 ушли на Тузлу. С командного пункта Бригады нас предупредили, чтобы мы не работали по ним. Мы постоянно уточняли азимут и дальность, чтобы избежать ошибки. Всегда сложно вести согласованные боевые действия истребительной авиации и ракетных войск. Хорошо обученный расчёт в зоне своей ответственности уничтожает самолёты противника, а свои истребители не трогает. Я сопровождал их. Расчёт удивился, что наши пошли на Тузлу. На дальности 70–80 км мы их потеряли.

На командном пункте Бригады мы доверяем только полковнику Лазовичу, полковнику Станковичу и майору Поповичу. Другие своей манерой работы ставят нас в опасную ситуацию, не проявляют инициативы и самостоятельности, примитивно следуют книжному способу действий.

Суббота, 27.03.1999

Снова непрерывное дежурство по сменам. Я с боевым расчётом был на огневой позиции в качестве руководителя стрельбы до 12 часов дня. Техника находилась на удалении 3 километров от расположения лагеря. По возвращении с дежурства в лагерь около 12.30 я попытался уснуть. И как только я задремал, около 13.30 меня разбудил посыльный ракетного дивизиона Коста Чурчич, солдат срочной службы. Он сообщил, что прибыл майор Срболоб Попович из штаба 250 бригады ПВО и ожидает меня в канцелярии. Прибыл с устным распоряжением. Встаю. Я очень устал, в голове неразбериха. Было такое чувство, что физически он находится рядом, а его невнятный голос доносится издалека. Он передал мне устный приказ для дивизиона. Из служебной записной книжки он зачитал замысел штаба Бригады: с 14.00 до 20.00 часов с трех позиций осуществлять излучение имитатора СНР в воздушное пространство. Необходимо 20 минут излучать с одной позиции, затем перемещаться на другую позицию и излучать 20 минут, потом на третью и излучать 20 минут. И так по кругу до 20.00, пока не начнётся налет и не поступит сигнал „Воздушная тревога“.

В свой служебный блокнот записываю позиции:

- Суботиште (1-я позиция), азимут 270;
- Печинци (2-я позиция), азимут 270;
- Добринци (3-я позиция), азимут 230.

Приказ гласит: „Излучать с позиций на указанном маршруте, после чего возвратиться имитатор на основную огневую позицию для дальнейшего использования в районе дислокации“. Командование Бригады предполагает, что излучение будет зафиксировано противником, и авиация НАТО ночью войдёт в зону ответственности дивизиона, который будет в засаде. Задача очень ответственная и нужен кто-то, кто знает местность и умеет работать с имитатором. Размышляю, кого бы послать. В октябре прошлого года я обучил работе с имитатором сержанта Радивоевича и командира батареи наведения ракет капитана 1 класса Голубовича. Не знаю в какой степени прапорщик Йович владеет навыками работы с имитатором. Сержант Радивоевич не знает местность, а Голубович сейчас дежурит на огневой позиции в качестве помощника руководителя стрельбы. Получается, что остаюсь только я.

Говорю Поповичу, что местность мне знакома, моя жена была из Печинцев. Попович предложил ехать с имитатором мне. Я согласился. Сообщил Дани, который находился на огневой позиции в боевом расчёте, что мы получили приказ из Бригады, и что я забираю имитатор излучения, и с водителем Лукичем и оператором имитатора сержантом Радивоевичем уезжаю на задание, и поэтому опоздаю на смену. Сказал, что вернусь около 20.00 и тогда обо всём расскажу. Майору Стоименову, помощнику руководителя стрельбы моего боевого расчёта, сообщая, что уезжаю на задание с имитатором по приказу командования Бригады, на дежурство прибуду с запозданием, и чтобы он обеспечил своевременное прибытие боевого расчёта на вечернее дежурство. После этого с необходимыми средствами убываем на задание.

На местности по карте определяю точные места излучения. С Радивоевичем и Лукичем мы поочередно объехали все три позиции. На каждой из них мы выгружали из машины имитатор и агрегат питания, разматывали кабели питания и включали излучение на данном азимуте. После работы всё оборудование загружали в машину, перевозили на другую позицию и всё повторялось. Прошли по очереди Суботиште-Печинци-Добринци. После излучения в районе Добринци я убедился, что Радивоевич правильно работает с имитатором и, возвращаясь на первую позицию в Суботиште, около 17.00 в Печинцах я сошёл, чтобы у Луки, владельца сети магазинов в деревнях муниципалитета Печинци, попытаться купить фонарики и батарейки к ним. Лукичу и Радивоевичу оставалось достаточно времени, чтобы ещё раз объехать все три

позиции. Все батарейки израсходованы в первую военную ночь, когда переводили технику. Если нужно переводить технику – купи батарейки. Так всегда было: офицеры покупали батарейки сами. Нищета. Он дал мне 15 батареек (4,5 вольта), а фонариков у него не было. Но сказал, что попробует достать. Я подписал ему счет за батарейки. Счёт в такое время?! Мы воюем, а он думает, как бы вернуть деньги. Почему эта война больше моя, чем его? Счёт ему нужен для того, чтобы было основание на возврат денег через администрацию общины Печинци. Я дождался Лукича и Радивоевича около 19.10 в центре деревни Печинци. Задание выполнено, и мы двинулись в сторону нашего лагеря в Шимановцах. Все три позиции мы объехали по два раза.

В лагерь мы прибыли около 19.30. Обедаем и ужинаем одновременно. Около 20.00 сирена в деревне сообщила о воздушной тревоге. В 20.30 мы добрались до огневой позиции. Я, как руководитель боевого расчёта, чтобы заменить Дани, а Лукич с сержантом Радивоевичем – чтобы установить имитатор излучения. В ту ночь я впервые привёл на огневую позицию командира взвода связи подпоручика-резервиста Миодрага Стояновича.

Расстаёмся на развилке тропинки на огневой позиции, и я подхожу к станции наведения ракет. Знакомый звук работающих ДЭС и СНР. В лунном свете видны ракеты на пусковой установке. Ракеты готовы к пуску. Пусковая неподвижна. Нет ни рывков, ни плавного движения, что является верным признаком того, что боевая работа не ведётся.

Я поднимаюсь по металлической лестнице и открываю боковую дверь УНК. Вижу следующее. У самого входа на месте помощника руководителя стрельбы сидит майор Борис Стоименов, заместитель командира по вооружению. На голове у него гарнитура (наушники с микрофоном) для связи с командным пунктом Бригады и подразделениями дивизиона. Дани дремлет, пристроившись на месте руководителя стрельбы и прислонившись к блоку управления работой пусковых установок, сбоку от индикатора кругового обзора П-18. Увидев меня майор Стоименов встаёт, чтобы произошла смена руководителей стрельбы. Дани только посмотрел в мою сторону и остался сидеть. Потому Стоименов встаёт сзади, между офицером наведения ракет Муминовичем и командиром ракетной батареи Николичем. Вхожу в кабину и сажусь на место помощника руководителя стрельбы. Беру гарнитуру (наушники с микрофоном) и надеваю на голову. Необычная ситуация – оба руководителя стрельбы на технике, только я на рабочем месте помощника руководителя стрельбы. Никогда больше во время войны такая ситуация не повторялась.

Смотрю на экран ВИКО, который находится передо мной. Антенна П-18 вращается с постоянной скоростью. Поблизости нет воздушных целей. Они находятся на больших расстояниях, на различных азимутах. Состав боевого расчёта (офицеры, сержанты и солдат-записывающий) на своих местах.

Моя смена. После того, как Дани уйдёт из смены, я сяду на место руководителя стрельбы, а майор Стоименов – на место помощника руководителя. По привычке, приобретенной в последние дни, мы с Дани обмениваемся информацией о последних событиях в смене и подразделении. Кратко рассказываю ему, чем я занимался во второй половине дня, а он сквозь дрему сообщил, чем занимался он. Так прошло 10 минут.

Имитатор излучения СНР еще не готов к работе. Вдруг на индикаторе кругового обзора на азимуте 195 я наблюдаю три цели на дальности 23 км. После очередного круга обзора по отметке стало ясно, что самолёт приближается. Наблюдаю за ним. На следующем обороте развёртки ВИКО дальность 18 км. Оператор П-18 сержант Любенкович сообщает по ГГС: „Есть цель!“ Очевидно, что та же, которую наблюдаем мы. Говорю: „Дани, он идет на нас!“. Дани открыл глаза и равнодушно наблюдал за ситуацией на экране. Отметка приближалась к центру экрана. Самолет был в 14–15 км, когда Дани приказал: “Азимут 210, поиск“. Командир батареи Николич помогает офицеру наведения по азимуту и углу места для обнаружения цели: „Левее, левее, стоп! Правее, выше, выше, стоп!“ Антенна! Включено излучение СНР.

С этого момента начинается игра в кошки-мышки. Кто будет быстрее и проворнее – мы или они в воздухе. Офицер наведения Муминович вращает три колеса одновременно и пытается обнаружить цель. Больше 10 секунд безуспешно пытаемся её обнаружить. Я понимаю, что мы должны прекратить излучение. Суммарное время поиска и обнаружения цели, перехода на сопровождение, выдачи команды на уничтожение цели, старта и полета ракеты до цели должно быть меньше, чем 25–27 секунд. Такая продолжительность нужна противорадарной ракете ХАРМ для полёта от самолёта-носителя до источника излучения (СНР). Продолжение излучения может привести к уничтожению техники и, возможно, всех нас. Нам нужно быть проворнее, чем ХАРМ. Дани не реагирует и продолжает боевую работу в активном режиме излучения. Понимая опасность командую: „Прекратить поиск, эквивалент!“. Николич за пультом командира ракетной батареи или не слышит, или не привык к командам двух руководителей стрельбы. Продолжает помогать офицеру наведения в поиске цели. Я командую громче: „Снять высокое!“. Потому что и в режиме „Эквивалент“ передатчик СНР излучает в пространство высокочастотную энергию, на которую может наводиться ПРЛС, который находится на небольшом расстоянии от нас. Только после этого Николич докладывает: „Высокое снято“. Через несколько мгновений Дани снова назначает поиск – азимут 230.

В воздухе чувствуется напряжение. На этот раз офицеру наведения удаётся увидеть цель на экране, но не получается совместить отметку от цели с пересечением горизонтального и вертикального маркеров. Остаётся только клацнуть колёсиками-штурвалами – он должен оттолкнуть их от себя при совпадении отметки цели с пересечением двух маркеров. С этого момента, когда цель находится в пересечении маркеров, операторы на своих экранах смогут взять цель на ручное сопровождение в плоскостях Ф1 и Ф2. Теперь офицер наведения может сопровождать цель по дальности, а операторы ручного сопровождения могут наводить ракету на цель, которая находится в пересечении маркера. Цель удаляется и совершает манёвр. И опять продолжительность излучения слишком большая, и я командую: „Прекратить поиск. Эквивалент!“. В этот раз Николич сразу исполняет команду и докладывает: „Эквивалент“. Через несколько секунд мы в третий раз пытаемся выполнить ту же процедуру, теперь на азимуте 240.

Очень быстро, через несколько секунд офицер наведения находит цель и докладывает, что она маневрирует. Колёсики офицера наведения прижаты, но операторы теряют цель. Опять продолжительность излучения большая – 5–6 секунд. И когда я хотел скомандовать: „Прекратить поиск. Эквивалент!“, оператор ручного сопровождения Драган Матич воскликнул: „Есть! Есть! Он мой!“. Он энергично вращает своё колёсико, пытаясь переместить отметку от цели в середину экрана. Получилось. Операторам РС удалось совместить цель с перекрестием (пересечением двух маркеров) и обеспечить условие для запуска ракет. Другой оператор ручного сопровождения Деян Тиосавлевич докладывает, что цель имеет большую отражающую поверхность. В этот момент я говорю Дани: „Будь осторожен, не стань мишенью“. Я вспомнил опыт боевых действий в Ираке, когда объединённые силы коалиции устанавливали на беспилотник (БПЛА) уголкового отражателя и тем самым увеличивали отражающую поверхность. Боевой расчёт иракцев думал, что это настоящий самолет и включал излучение СНР. В этот момент охотники в воздухе засекали местоположение РЛС, а потом из засады с другой стороны уничтожали ракетный дивизион противорадиолокационными ракетами.

Офицер наведения Муминович доложил: „Станция сопровождает цель. Цель приближается, расстояние 13 километров“. Тут же операторы РС доложили о сопровождении цели по Ф1 и Ф2. Дани скомандовал: „Цель уничтожить, метод ТТ. Пуск!“. Офицер наведения Сенад Муминович нажал кнопку пуска ракеты. Приглушённый грохот. Взревел стартовый двигатель ракеты. Кабина вздрогнула. Первая ракета ушла, а через 5 секунд и вторая. Офицер наведения доложил: „Первая старт, первая есть захват“. Операторы РС по Ф1 и Ф2 наводят ракету на цель. „Вторая старт – нет захвата“. Наведение невозможно. Дальность 13 км. Первая ракета

уже 5–6 секунд в воздухе, ей осталось 10 секунд полёта до цели. Громко спрашиваю: „Как нет захвата? Почему?“.

Я встаю с места помощника руководителя стрельбы, взявшись левой рукой за ручку крепления блока над головой оператора РС по Ф2 Драгана Матича и опершись правой рукой на шкаф через проход от него. В таком повёрнутом положении наблюдаю завершающий этап полёта ракеты на экране офицера наведения. Ни Муминович, ни Янкович не докладывали, что станция неисправна по второму каналу. Операторы РС по Ф1 и Ф2 уверенно сопровождают цель. В точке встречи ракеты с целью вижу вспышку на экране индикатора. Цель уничтожена. Время уничтожения 20:42. Цель была обнаружена на высоте 6 километром. После противоракетного манёвра уничтожена на высоте 8–10 километров. Другие параметры офицер наведения не доложил, всё происходило очень быстро. Весь процесс длился 23 секунды.

После этого паника в воздухе – нигде нет ни одной цели. На командный пункта 250-ой бригады ПВО майору Янко Алексичу, офицеру службы вооружения, по его просьбе зачитываем состав боевого расчёта, который участвовал в боевой стрельбе на рабочих местах в соответствии с боевым расписанием. Дани командовал только по методу наведения, а я отдавал команды в соответствии с положениями Правил стрельбы: назначил способ пуска и расход ракет, способ активации боевой части, а по докладу Муминовича – и основные параметры уничтожения цели. „Молодцы, легенды!“ – сказал Алексиц. Через 10 минут тем же поинтересовался полковник Драган Станкович, начальник штаба 250-ой бригады ПВО. Диктую ему всё снова. Солдат Давор Бложич (записывающий) зафиксировал хронологию событий в журнале боевых действий.

По странному стечению обстоятельств оба руководителя стрельбы были на технике, и Дани и я. И оба руководителя стрельбы командовали боевым расчётом при уничтожении самолёта. Он ждал моего возвращения с задания, а я из-за мероприятий с имитатором прибыл на огневую позицию около 20.30, а не в 18.00. Стреляла моя смена. Как докладывать вышестоящему командованию? Только потому, что я сидел на месте помощника руководителя стрельбы я оставляю себя в этой роли.

Боевой расчёт, который выполнил боевую стрельбу, был в составе:

- подполковник Золтан Дани, руководитель стрельбы;
- подполковник Джордже Аниичич, помощник руководителя стрельбы;
- капитан 1 кл. Сенад Муминович, офицер наведения ракет;
- сержант 1 кл. Деян Тиосавлевич, оператор РС по Ф1;
- ст. сержант 1 кл. Драган Матич, оператор РС по Ф2;
- подпоручик Дарко Николич, командир ракетной батареи;
- солдат Давор Бложич, записывающий боевых действий.

В УНК присутствовал так же майор Борис Стойменов, который обычно в составе моей смены был помощником руководителя стрельбы. Во время обстрела цели он стоял сзади между офицером наведения и командиром батареи и не участвовал в боевой работе.

На огневой позиции на других средствах обеспечения боевых действий были:

- на ДЭС (источник автономного электрического питания) – старший сержант 1 класса Джордже Малетич, и солдат;
- на П-18 – сержант 1 класса Владимир Любенкович и солдат;
- в центре связи – командир взвода связи подпоручик Миодраг Стоянович и солдат;
- на имитаторе излучения СНР – сержант Игорь Радивоевич и прапорщик Родислав Йович.

В кабине радость. Поздравляем и целуем друг друга. „Мы будем лучшим дивизионом в Бригаде. У нас будет два полковника“ – сказал Дани, когда мы поздравляли друг друга. Через 30 минут после стрельбы с командного пункта Бригады поступил приказ: „Готовится к маршу“. Отправляюсь в лагерь чтобы перевезти транспортные средства на огневую позицию и забрать

весь личный состав. Необходимо как можно быстрее перевезти технику на новую огневую позицию в районе деревни Прхово. Пока не прибыли автомобили и люди из лагеря, боевой расчёт переводит технику из боевого положения в транспортное. Я устал. Я не спал два дня и ночь. Сказал Дани, что пойду в лагерь спать, потому что для перевода я не нужен. Ухожу в расположение. В лагере майор Бошко Дотлич, помощник командира по тылу, рассказал мне, что услышал пуск первой ракеты и выбежал из казармы на улицу. Видел, как ракета ушла в облака, услышал взрыв и увидел большой падающий огненный шар. Ему показалось, что и вторая ракета пошла на цель. Я сомневаюсь в этом, потому что не было захвата на индикаторах операторов РС. Я знаю, что она пошла по кривой траектории и пропала где-то в сремских полях. Обломки самолёта упали рядом с деревней Буджановци. Перевод техники был очень быстрым. В течение двух часов после окончания боя техника была переведена из боевого положения в транспортное и перемещена на новую огневую позицию в район села Прхово. Я сделал график и схему оборудования позиции по основным подразделениям.

Среди жителей окрестных деревень воодушевление. Все смотрели на нас с большим уважением. Я снова вспомнил Данку. Она наверняка испытает гордость, когда узнает, что мы сделали сегодня ночью.

В лагере из новостей радио „Студия Б“ в 22.00 слышали информацию, что мы сбили F-117A, самолёт Стелс-технологии, гордость НАТО и ВВС Америки. Мир взбудоражен. Самолёт, который был остриём ударной силы Америки на рубеже веков. Шок в мире, в Пентагоне и Вашингтоне. Однако тремя спасательными вертолётами пилота всё-таки эвакуировали.

Подпоручик Дарко Николич от Президента государства Слободана Милошевича получил орден „За храбрость“, а от Командующего ВВС и ПВО получил звание поручик. Полтора года назад он закончил Академию. Блестящее начало молодого подпоручика.

Хорошо, пока отмечен не весь состав боевого расчёта. Но все знают, что если мы не будем справедливо вознаграждены, то это будет большим надувательством народа и армии Югославии. В дивизионе эйфория и возросший боевой дух. Бдительность и напряжённость ослабли. Ушло чувство горечи. Вернулась вера в то, что мы можем что-то сделать.

Воскресенье, 28.03.1999

Когда рассвело, я позвонил Данке. Она очень рада меня слышать. Знает ли она, что это мы сбили самолёт? Все наши и зарубежные радио и ТВ-станции трубят об этом.

Наша огневая позиция находится в районе деревни Прхово. С наступлением темноты командир взвода связи подпоручик Стоянович с солдатами-резервистами доставил на позицию из лесного хозяйства Купиново около 50 акаций, толщиной 30–40 см и длиной 4–5 метров для защиты техники и людей в кабине. Мой приказ он выполнил очень профессионально. Встретил знакомого бизнесмена и хозяина склада строительных материалов в Шимановцах, который очень нам помог при выборе брёвен для огневой позиции. Кроме того, в предыдущую ночь он через своего друга помог нам организовать надёжную связь со штабом Бригады. Вышла директива, что все ресурсы государственного и частного потенциала могут быть использованы для нужд армии Югославии.

В первой половине дня Ковачевич, заместитель начальника отдела полиции Печинци, принёс мне в качестве подарка части обломков сбитого самолёта. Все звонят, поздравляют, приходящие в подразделение целуют нас.

Узнаём, что командир ракетного дивизиона в Батайнице подполковник Стеван Джевич во время стрельбы пропустил цель. Запустил ракеты в режиме теплового наведения, и во время старта ракеты операторы РС были ослеплены облаком пыли, которое засветило экран тепловизора. Наведение было сорвано. Пришла весть, которая нас очень огорчила. Сбиты два наших МиГ-29 в предыдущую ночь. Вот почему они исчезли с экрана РЛС. Один пилот погиб, а другой смог катапультироваться. Приземлился возле своей деревни. Являются ли эти потери первыми? Слава героям!

Техника находится в боевом положении. Вышла из строя РЛС обнаружения. Доложили об этом на командный пункт Бригады, попросили помощи. Оператор П-18 сержант 1 класса Владимир Любенкович сильно утомлён – работает непрерывно в составе двух боевых смен подряд. Ему нет замены, ест и спит в кабине РЛС. Сомневаюсь, что в таком состоянии он сможет устранить неисправность. СНР несколько часов работает не по назначению (в качестве РЛС обнаружения), потому что П-18 неисправна и у меня нет картинки о радиолокационной обстановке. Люди тоже излишне устали. Ни один мудака не скажет: „Отдых технике и людям, устраняем неисправность и потом продолжаем“. С командного пункта Бригады приказали включить излучение имитатора СНР и передатчика ракетных команд СНР в установленном секторе. Обнаруживаем себя без возможности защититься, потому что не имеем картины происходящего от РЛС. Безумие и чья-то большая глупость. Сомнительная тактика – имитация пуска ракет. Спрашиваю: „А если пойдут на меня, что тогда?“. „Не бойся“, – говорят мне. „Да уж, всегда найдётся дурак – и здесь, и в небе“, – подумал я. Пилоты НАТО страшно боятся, у них нет мотивации.

Работаем по нашему плану и договорённости о времени смен. Во время перерыва между дежурствами я с Армушем побывал у председателя общины Печинцы. На заправках перестали отпускать топливо. Могут заправляться только обладатели квоты и отдельные лица с разрешения кризисного штаба общины. Зоран Армуш имеет квоту на 200 литров солярки и 50 литров бензина ежемесячно. Человек предоставляет свои машины (грузовики, погрузчики брёвен, транспортёры). Может заправить за свои деньги, без возмещения. Это здорово, но я думаю, что это нужно получать, а не покупать.

Если расчёт не занят на технике и нет обязанностей в подразделении, то он отдыхает. Засыпают быстро из-за накопившейся усталости. В помощь для устранения неисправности на РЛС прибыл старший сержант Зоран Растич. Я, как заместитель командира, очень редко имею возможность отдохнуть. Необходимо принимать и распределять резервистов, которые прибы-

вают, делать доклады военкомату и вышестоящему командованию, решать вопросы внутренней жизни подразделения, дежурить в составе боевого расчёта и многое другое.

Мой сын Владимир находится у бывшей тёщи в Печинцах. Я воюю на территории общины Печинцы, но я его ещё не видел. Встретил его соседа и друга детства Ацу Рогулича, который мне сказал, что Влад сегодня уехал в Белград. Вечером я разговаривал по телефону с Данкой. Она сказала, что Влад у неё. Теперь, через много дней, я разговаривал с сыном.

Принимаю ежедневно по одной таблетке „Ранисана“ – лекарство против язвы двенадцатиперстной кишки. Уменьшаются спазмы в животе и общее напряжение. Обманываю Данку, что чувствую себя хорошо. Благодаря действию препарата боль уменьшается. Может быть перестать его пить? У меня закончились сигареты. Беспокоюсь только, что часто меняю сигареты – сегодня курю одни, завтра другие.

Понедельник, 29.03.1999

Постоянное дежурство. Смена боевых расчётов каждые 6 часов. Наша смена каждую ночь с 00.00 до 6.00, потом 6 часов отдыха, из которых на сон на самом деле приходится только два или три часа. И снова на дежурство. Драгован Матиевич, мой однокашник, принёс мне на память часть сбитого самолёта. Он сказал, что некий цыган Ручка из деревни Буджановци припрятал крыло от самолёта F-117A длиной около 3 метров и сопло двигателя в качестве военного трофея для нашего боевого расчёта.

Во время отдыха не могу сосредоточиться ни на телевизоре, ни на газете. С Муминовичем рассуждаем, почему только с третьей попытки обнаружили цель. Рассчитываем возможности по дальности и высоте малых средств ПВО „Прага“, „Бофорс“, „Игла“ и других типов оружия. То, что выше их досягаемости, будет для нас началом поиска цели по углу места. Изменяем эту высоту, вращая колёсико по углу места на пульте офицера наведения ракет. „Запомни это значение. Это для тебя „ноль“ поиска. И передай это другому офицеру наведения – Янковичу“, – сказал я ему. Такой способ должен значительно сократить время поиска цели.

Я решил навестить родителей Данки. Они бежали из Баньи и теперь находятся в Карловиче. Курды – как между собой себя называют беженцы. Знаю, что они встревожены. Милан, отец Данки, болен – у него камни в почках, мать Нада ещё держится. Я помылся, и мне сразу стало легче. Съел суп и яичницу, поговорил с ними. Я вселил в них некоторую надежду. Милану на хранение я отдал небольшой фрагмент сбитого самолёта, чтобы после войны мы его поместили под стекло, если останемся живы. Мои мысли перемешались в голове. Может быть, мы этим уничтожением F-117A замедлили или повернули колесо истории. Накинулись, как собаки. Нападают, разрушают, убивают. Сожалею, что пилота сбитого самолёта не поймали, и что не разбился вертолёт и не ликвидирована группа спасения. Кадры разрушенных гражданских объектов нужно показать по каналу CNN, если он на самом деле независим. И пусть Америка всё видит. Пусть все видят то, что они делают в одной из суверенных стран. Это безумие однажды закончится.

Днём прибыл офицер безопасности поручик Бора Црнобрня. Он курирует два ракетных дивизиона – наш и Носкова. Рассказал, что дивизион подполковника Носкова сбил один самолёт, а сержант-контрактник Деян Йованович из его дивизиона „Стрелой-2М“ сбил „Томагавк“. Носкова они обстреляли. Повредили СНР и другую технику. Никто из людей не пострадал. Бора сказал, что оперативник штаба Бригады подполковник Лука Трговчевич его уже задолбал.

Вторник, 30.03.1999

Николичу, в знак признания, боевой расчёт сочинил шуточную поздравительную песнь. Очень личная карточка поручика“:

Имя и фамилия: Дарко Николич Невский;
Личный номер: F-117A, СНР С-125М;
Хобби: Стрижка чёрных овец;
Любимая птица: Ночной ястреб;
Прозвище: Невидимка;
Любимая книга: Орлы рано взлетают (и ещё раньше падают);
Любимый знак зодиака: Чёрный овен;
Внешний долг: \$ 900.000.000;
Любимый сериал: Человек-невидимка;
Любимая игрушка: 5В27Д – (*обозначение модификации ракеты*);
Влюблён: в невинную НАТУ;
Любимый фильм: Рокки I, II, III, IV;
Любимое время суток: 20.42;
Любимая народная песня: Ай ракета раке-таке-таке-та;
Любимый писатель: Слободан Ракетич;
Любимая рок-песня: Самолёту сломал ты крылья.

Сегодня ночью над нами барражировал автожир. Это хорошая цель для нашего снайпера сержанта-контрактника Зорана Тепаваца. Но неизвестно, стрелял ли он. Ночью надо было уходить отсюда. Население о нас заботится и подкармливает. Не знаю, кто и когда приносит жареное мясо и выпечку, но когда мы приходим с дежурства в лагерь – это всё уже нас ждёт. Я потерял аппетит. Деревня Шимановци и окрестности вошли в историю войны. Может быть, местные жители выражают нам свою благодарность таким образом.

В Белград с визитом прибыли Примаков, Иванов и Сергеев. Они 6 часов беседовали с Милошевичем. Все ракетные дивизионы были оповещены о запрете активных действий при посадке самолёта на аэродроме Белграде. После посадки такой запрет был снят. Профессионально говоря, мы открыли зону, а потом снова её закрыли.

Среда, 31.03.1999

В 6.00 наше дежурство закончилось. Хочу спать. Во время передачи дежурства на огневой позиции я сказал Дани, что с командного пункта Бригады приказали, чтобы наша СНР вела поиск и обнаружение крылатых ракет в режиме периодического включения и выключения излучения. Глупо так рисковать, без каких-либо шансов обнаружить и уничтожить „Томагавк“. Теоретически существует такая возможность, но в условиях очень кратковременного излучения шансы сводятся к нулю. На технике остаётся Дани со своей боевой сменой, а моя смена идёт в лагерь.

В 7.30 получаю от Дани на пейджер сообщение: „Джордже, собирай чемоданы, уезжаем“. Голова пустая, я ещё сплю. Спрашиваю громко майора Дотлича: „Что это значит?“, и передаю ему пейджер. Дотлич ничего не понимает, пожимает плечами и мотает головой. Я смеюсь, объявляю тревогу и приказываю водителям переместить транспортные средства на огневую позицию. По прибытии, в 8.10, начинаем переводить технику в транспортное положение.

Опять люди моей боевой смены после бессонной ночи заняты утомительной передислокацией техники, а потом снова наступит ночь и боевые действия. Не знаю, как долго подразделение выдержит такой темп. Думает ли кто-то об отдыхе расчёта? Одна из задач врага – измотать личный состав противника. Усталый расчёт делает ошибки, а на войне за эти ошибки платят потерей техники и жизнями людей.

В 9.45 транспортные средства готовы к буксировке. Невероятно, как быстро всё получается. Из стационарной системы создана мобильная, которую мотивированный персонал может быстро переместить на новые огневые позиции. Вчера я дал Армушу рисунок стола, который нам понадобится для перевода СНР из боевого положения в транспортное. Сегодня утром уже всё привезли. Наверняка он это сделал ночью из своих материалов. Невероятный человек.

Туман нам на руку – он будет маскировать наше перемещение. Мы выдвинулись в район деревни Суботиште двумя колоннами. Там мы переждём, пока во второй половине дня выберем место для новой огневой позиции. Когда одна за другой единицы боевой техники переведутся в боевое положение – в результате рождается единая боеспособная сила.

Дани с командиром батареи наведения ракет капитаном Голубовичем и командиром ракетной батареи майором Роксандичем ушёл на разведку местности, а я с остальными людьми остался в автобусе ожидать их возвращения. От усталости я задремал, но прибытие майора Влада Крсмановича с командного пункта Бригады в 11.55 полностью меня разбудило. Нам приказано перейти в район деревни Огар. Начало перевода техники в 12.00, а готовность к действиям в 19.00. Я сказал Крсмановичу, что это невозможно. По возвращении Дани с командирами батарей из разведки возник вопрос, как подразделение доберётся на новую позицию через топкую местность в районе Огара. Необходимы грузовики, гравий и щебень. Мы с Дани решили, как это сделать. Он остался, чтобы реализовать наш план, а я с людьми вернулся в лагерь на обед.

В 15.30 мы отправились обратно, и по возвращении в Суботиште я стал отправлять в Огар по 1–2 автомобиля через каждые 5 минут. Я ехал в последней машине колонны. В Огаре меня ждал Дани.

Мы прибыли на позицию и в 20.30 были готовы к действию. Пока шёл перевод техники в боевое положение, мы с Дани определили места хранения транспортных средств и отдыха людей. По возвращении на огневую позицию я определил место для размещения имитатора излучения СНР и расчёта переносных систем „Стрела-2М“. Моя боевая смена осталась на технике до 24.00, потому что абсурдно оставлять людей на дежурстве после полуночи – это слишком длинная смена. До полуночи редко кто может спать, а с полуночи до утра мы на технике. Днём всегда много обязанностей, так что люди моей смены сильно устали. Смена Дани должна

прибыть в 00.00. Около 23.35 я заменил таблицу сигналов команд, которую после многих перипетий доставил майор Дотлич.

Около 23.50 я вышел из кабины и увидел, что огневая позиция освещена и видна как на ладони. Один гражданский водитель трейлера привёз полный прицеп щебня для отсыпки дороги. Я подумал, что он сошёл с ума. Спросил его, служил ли он в армии и знает ли, что такое маскировка?!

В 00.05 сигнал „Готовность № 1“ – готовность к боевым действиям. На РЛС обзора П-18 есть проблемы. С командного пункт Бригады постоянно звонят и спрашивают, когда устраним неисправность. Наконец я не выдержал и сказал, что о восстановлении доложим, и чтобы больше не звонили. Странные они люди.

Четверг, 01.04.1999

Капитан 1 класса Дарко Рашчанин с командного пункта Бригады потребовал осуществлять поиск и обнаружение целей с использованием излучения СНР. Я ответил ему: „Ты с ума сошёл, это неприемлемо. Зачем мне цель на таком расстоянии, если моя активная дальность намного меньше?! Обнаружим её, а возможности обстрелять нет“.

П-18 восстановлена около 01.00. Старший сержант Ристич, который помогал нам, убыл с огневой позиции. Он заменил неисправные лампы на новые в блоке УК-27. Выяснилось, что не работала некая линия задержки сигнала. Наконец мы исправны. Доложил об этом на командный пункт Бригады по таблице сигналов.

В 0.30 я позвонил Дани и спросил его, что со сменой дежурства. Он сказал, что они скоро придут. Прибыли в 1.50. Моя смена пошла в лагерь. Моя смена возмущена. Сократили нам время отдыха более чем на 2 часа, с учётом того, что ещё потеряем время на дорогу в лагерь. Единодушно решили, что утром прибудем на смену не в 6 часов, а в 8. Если они ведут себя не по-товарищески, то и мы будем делать так же. Кульминацией было то, что они забыли питьевую воду. И сержант Волф вынужден был возвращаться за ней в лагерь. Всё это время мы были на позиции, ожидая его возвращения, потому что у них в смене не хватало людей. С огневой позиции мы уехали на машине ТАМ-150, которая осталась здесь с вечера.

Утром в 5.50 мне позвонил Дани, чтобы я со своей сменой прибыл их заменить. Я отказался, и мы разругались. „Во сколько вы пришли к нам ночью?“ – спросил я его. Он снова позвонил в 7.00 и сказал, чтобы я разбудил людей. Вероятно, что он понял, какую глупость совершил. Я всегда прихожу вовремя, а он нет. По прибытии моей смены на огневую позицию около 8.00 он спросил, имею ли я что-то лично против него. Я сказал, что не имею, но считаю неправильным, что у одних нагрузка больше, а у других меньше. „Если ты командир, это не значит, что ты можешь делать что хочешь. Почему вы вечером опоздали?“ – спросил я. Он промолчал.

Распоряжение вышестоящего командования – с 8.25 до 9.00 не применять лёгкие переносные системы „Стрела-2М“. Я сообщил об этом командиру батареи переносных систем капитану-резервисту Цветичу, чтобы он оповестил свои расчёты, расположенные в 4–5 местах вокруг нас.

В случае нападения на огневую позицию у боевого расчёта СНР, П-18 и кабине распределения питания нет никакого оружия и боеприпасов. Приказываю командиру батареи наведения ракет капитану Голубовичу обеспечить огневую позицию боеприпасами для автоматов. Сумки с патронами и оружие распределить по кабинам. Расчёт имитатора излучения уже вооружён.

Стало известно, что с официальным визитом к нам придут представители Государственной думы РФ.

Ночью разрушили старый мост в Нови-Саде (между Нови-Садом и Петроварадиной). Ругова в беседе с Милошевичем в Белграде заявил, что необходимо прекратить бомбардировки и сесть за стол переговоров.

После ухода смены Дани нам осталась неисправной система селекции движущихся целей, поэтому оператору этой системы сержанту Милану Паничу пришлось её настраивать.

В 9.30 прибыл Армуш с экскаваторщиком Джурджевичем, чтобы помочь нам установить брёвна вокруг техники для её защиты.

Необходимо развернуть антенну на Белград и таким образом обеспечить ещё один канал связи с командным пунктом Бригады.

Сержанта ракетной батареи Сашу Бугарина я отправил на „ЗИЛе“ в деревню Зуце к командиру технического дивизиона подполковнику Петру Дубаичу, чтобы он доставил нам две ракеты (взамен выпущенных нами накануне). Необходимо также заполнить баллоны с воз-

духом для СНР. Ракеты доставлены, а баллоны с воздухом не наполнены – забыл. Он снова поехал на ТАМ-150. Я разозлился на него, потому что такая забывчивость ставит под угрозу нашу боеготовность.

Заправили топливом агрегаты источников электропитания (ДЭС) на огневой позиции. Я попросил Армуша, чтобы вместе с нашим мастером Голубовичем (Бинкетом) посмотрел „ЗИЛ“, который остался в ангаре в Шимановцах, потому что ведёт себя как „варёный“. Эта машина для нас очень важна, потому что она является тягачом СНР.

В 11.30 поговорил с Данкой. Прислала мне на пейджер сообщение, чтобы я ей позвонил. Она смотрела телевизор и в репортаже из Военно-медицинской академии (ВМА) увидела полковника Мирослава Лазовича, командира 250 бригады ПВО. Она узнала его. Спросила меня, почему Лазович весь изранен и находится в госпитале. Я сказал, что он пострадал не в боевых действиях, а на днях попал в автомобильную аварию, когда после бомбардировки ехал в Срем-чицу. Единственное, что я не могу понять – почему командир Бригады такой же усталый, как и мы, сам сел за руль „Опеля“ и сам им управлял. Классическое злоупотребление служебным положением. Всегда есть постоянный военный водитель командира Бригады, который отдохнул и не отвлекался на другие обязанности. Лазович ехал с большой скоростью, улетел с дороги и получил серьёзные травмы. Автомобиль полностью разбит. Хрен с ним, с „Опелем“, главное сам остался жив.

Два дня назад тому я приказал майору Дотличу составить документ и проинформировать военкомат, кто отозвался на мобилизацию, а кто нет. И сообщить военкомату о мобилизационной потребности в стрелковом взводе и отделении РХБЗ.

Курю сигареты „Best“ – всё, что у меня есть. До войны курил „Winston S-100“. Дани как-то однажды мне порекомендовал не курить „Winston“, потому что это американские сигареты. Кто знает, где и кто их делает. Капитан 1 класса Муминович ему тогда сказал, что и DM (дойче марки) тоже чужие, но их все скупают, уважают и берегут.

В интервале с 14.00 до 16.00, во время отдыха моей смены, в лагерь прибыли мой одноклассник и сосед по комнате в Академии подполковник Стоянче Томич, офицер безопасности из штаба корпуса ПВО, вместе с генералом Банетом Петровичем, поручиком Борой Црнобрня и прапорщиком Црепультаром. В Академии с друзьями мы его звали „Папа“. У него было любимое выражение: „Сыны мои, где вы?“. Мы и сейчас его так называем. Он спросил меня, как дела и есть ли проблемы. Я рассказал о глупости в ходе боевой работы, усталости и измотанности расчёта, бессмысленном поиске крылатых ракет, вертолётчиков и беспилотников. „Будь осторожен, постарайся не разговаривать по мобильному телефону с огневой позиции, потому что разговоры фиксируются“, – предупредил он меня.

Майор Дотлич из Шимановцев принёс жареного поросёнка, которого нам послали местные жители.

Начальник мобилизационного пункта прапорщик Мича Миялкович, ответственный за приём и обмундирование мобилизованных из запаса, привёл ко мне шестерых призывников для распределения. До сих пор не хватает людей в основных боевых подразделениях. Поэтому я их распределил в батарею наведения ракет и ракетную батарею. Когда появится возможность, я переведу их в подразделения по их специальностям. Пришёл и доброволец подпоручик Ненад Белович из Обреноваца. Когда-то он был определён к нам и привык к нашему подразделению. Я отправил его обратно, потому что по новому военному распределению резервистов он является призывником для дивизиона из Обреноваца. „Сиди дома и жди вызова в своё подразделение, чтобы не вступить в конфликт с законом“, – посоветовал я ему. Он меня послушался.

Пятница, 02.04.1999

Нахожусь на огневой позиции в Огаре, дежурство с 6.00 до 12.00. До 10.00 мы в готовности № 2 (люди на технике, техника выключена), а потом в готовности № 1 (боевой расчёт на технике, техника включена и готова к боевым действиям – как в дежурном дивизионе).

С 11.30 до 12.00 с азимута 270–300 появились вертолёт. С командного пункта Бригады заместитель командира по вооружению Бора Самарджич сообщил, что наблюдают их визуально в районе Сремской Митровици. Я объявил готовность батарее „Стрела-2М“ и боевому расчёту дивизиона. После очередного оборота луча на индикаторе РЛС мне доложили, что есть цель на дальности 8 километров. Приказываю расчёту СНР обнаружить цель. Поиск длился 10–12 секунд. На фоне большого количества отражений от местных объектов вертолёт обнаружить не удалось.

В 12.00 нас заменила боевая смена Дани. В 12.25 с командного пункта Бригады, вероятно по ошибке, объявили „Готовность № 3“ (техника выключена, люди в 15-минутной готовности в лагере). В этом случае по сигналу за 15 минут необходимо прибыть на технику и включить её, провести контроль функционирования станции и доложить о боевой готовности. Часть людей смены Дани убыла в лагерь. Он с огневой позиции пошёл пешком, так что я не знал точно, где он находится – у кого-то в деревне или идёт в лагерь.

В 12.50 поступил сигнал „Готовность № 2“ (дежурство на технике). В УНК из состава боевого расчёта остались только капитан Голубович и сержант Радивоевич. Никого нет в П-18, ДЭС и на имитаторе излучения, в то время как расчёт „Стрела-2М“ и взвод связи были на своих местах. „Умное“ решение Дани. На огневой позиции осталось только несколько человек, и в 12.55 автобус с боевым расчётом отправился в лагерь.

Я сильно устал и сразу уснул. В 15.30 я проснулся и с капитаном Муминовичем, поручиком Николичем и сержантом Тиосавлевичем поехал на огневую позицию. Нас хотят посетить из „большого дома“ – командования ВВС и ПВО. На „Ниве“ мы выехали на огневую позицию в 16.00. Делегацию привёз генерал Славко Бига, начальник штаба командования ВВС и ПВО. Прибыл с представителями Государственной думы РФ, которую возглавляли генерал-полковник, генерал-майор, директор и конструктор завода по производству ракетных систем. Генералы маленького роста в огромных фуражках. Прибыл и представитель Белоруссии. Члены делегации восторженно сказали нам, что наше место теперь в книге рекордов Гиннеса, потому что оружием третьего поколения мы сбили самолёт шестого поколения. С русской делегацией были и наши генералы. До сих пор никто из нашего вышестоящего командования не построил боевой расчёт и официально не поздравил. С ними был полковник Вукосавлевич, бывший командир 250 бригады ПВО. Дани в подарок от россиян получил часы. Они обещали нам ракетные системы С-300 – завтра, а может быть „когда-нибудь“. Сказали, что над Ельциным только Бог. И что политики пьют, и Россия потеряла лидерство в мире. Сербия воюет и за Россию. Дани украдкой за спиной сунул небольшой обломок самолёта в руку одному русскому. Я стоял рядом и видел этот момент. Мне было непонятно, зачем он это сделал.

Около 18.00 делегация отправилась в сторону лагеря, чтобы посмотреть крыло сбитого самолёта. Моя боевая смена осталась дежурить на огневой позиции до 24.00. Опять на дежурстве не было покоя. С поручиком Борой Црнобрня приходил солдат-резервист Микица Петрович, чтобы увидеть меня и поздравить со сбитым самолётом. Микица сказал мне, что они видели нашу стрельбу. Он был в восторге. Рассказал про старшего сержанта Сашу Шабановича, который работал на автокране „КрАЗ“ при переводе СНР в Прогаре. Перед началом движения на марше начался обстрел позиции. Когда он третий раз бежал из „КрАЗа“ в укрытие, повернулся, увидел летящую ракету и крикнул: „Она попадёт прямо в меня, вашу мать!“.

Бора пообещал завтра принести нам дневную норму сигарет по 10 штук из Центра наблюдения и оповещения в посёлке „13 Мая“. Все что-то дают нам. Для армии и полиции какой-то частник, производитель напитков, завтра привезёт сок, газированную и обычную воду.

Около 17.00 на ДЭС к Малетичу прибыла ремонтная бригада для восстановления агрегата.

Сегодня мы узнали, что вместо двух израсходованных ракет 5B27Д нам привезли 5B27У. Они, наверное, шутят, или нет других ракет? Первые модифицированы и обеспечивают более надёжное поражение цели. Со вторыми стрельба возможна только навстречу. А если самолёт совершит манёвр и будет удаляться, то вероятность поражения невелика. Глупость. Пошёл дождь.

Около 19.00 я позвонил Данке. Она в депрессии. Не люблю, когда она такая. Это состояние преобладает в её поведении. Сказала, что звонила моя сестра, которая живёт и работает в Триесте (Италия). Младшей племяннице Бояне оперировали гланды. Думаю, что это к лучшему.

Сегодня католическая Страстная пятница. В 21.15 объявлена „Готовность № 1“ – с включённой техникой как дежурный дивизион. Американский президент Клинтон заявил, что Запад будет воевать и во время их Пасхи.

По радио, телевидению и в печати сообщили, что в Косово, рядом с Македонией, захвачены два американских сержанта и солдат из состава американского разведывательного батальона, который базируется в ФРГ. Американский Конгресс требует, чтобы им дали статус военнопленных и чтобы с ними обращались в соответствии с Женевской конвенцией. Таким образом, они признали, что находятся в состоянии войны. А это означает, что они являются агрессором. И однажды они предстанут перед судом. Мировая и европейская общественность засуетилась.

В кабине УНК между майором Стоименовым, капитаном Муминовичем и сержантом Тиосавлевичем развернулась дискуссия о государственном устройстве. Муминович жалеет, что не послушал жену и не уволился из армии, когда получил перевод из Обреноваца в Яково. Говорило о более высоком качестве жизни на Западе, чем у нас. Я знаю, что усталость делает своё дело, и, наверное, в других обстоятельствах он бы мыслил иначе. Или это настоящее состояние его души? Я не участвовал в этом обсуждении. Эйфория в связи с „невидимкой“ медленно идёт на убыль.

Деревенские женщины вчера буквально завалили нас пирогами.

Бора Црнобрня сообщил мне, что подполковник Носков со своим дивизионом находится недалеко от нас, в районе деревни Ашанья.

Бригада получила батарею ракетной системы „Куб“, которая расположена в Богатиче, перед нашими позициями. „Куб“ – более новая и мобильная ракетная система по сравнению с „Невой“. Командиром батареи был поручик Сретен Цветкович. В помощь ему были приданы капитан Душан Жаркович и подполковник Бане Милосавлевич. Они располагались в 20 километрах от нас. Для скрытности работы батареи нам (3-му ракетному дивизиону) поручили обеспечивать их координатами целей до их выхода в эфир.

Мастер Голубович, Бинке и прапорщик Жугич сегодня принесли ещё одну часть сбитого самолёта. Неужели мы действительно легенда, которую очень уважают люди. Это очень важно, это поднимает авторитет армии в глазах народа. Снова заболела язва. То ли из-за времени суток, то ли из-за смены сигарет.

Сегодня прапорщик Мича Миялкович привёл шестерых переодетых в обмундирование резервистов. Я вернулся с огневой позиции с дежурства в 24.00. Припарковал „Ниву“ и, при закрывании двери, прищемил средний палец правой руки. Было очень больно. Надеюсь, что я его не сломал. Надо не забыть на следующей неделе сходить к стоматологу, потому что у

меня в зубе лекарство. Действует ли военно-медицинский центр (ВМЦ) и работает ли там моя дантистка Милица Стоянович? Незадолго до войны она поставила мне лекарство.

Данка мне сообщила, что купила блок сигарет „Партнёр“. Я ей сказал, чтобы больше не покупала. Нужно ей послать сколько-нибудь денег. Я получил аванс 250 динаров. Пора спать. В 6.00 опять на дежурство на огневую позицию. Армуш привёз сегодня для ДЭС 10 литров дистиллированной воды. Силён этот парень. Он с уважением относится ко мне. Принёс на дежурство кофе в термосе.

Суббота, 03.04.1999

Сегодня ночью, спустя 44 года после окончания Второй мировой войны, бомбили Белград. Били по зданиям Правительства Республики и Управления МВД, всего 8 крылатых ракет. Неизвестно, есть ли жертвы. Одна ракета упала в 30 метрах от роддома, разбиты стёкла. Это сильный стресс для молодых женщин и младенцев. НАТО – воистину фашисты.

На днях были назначены новые генералы. Какая-то чехарда наверху. Мой однокашник подполковник Стоянче Томич, когда был на позиции, рассказал, что некоторые люди из политического руководства кроме своих семей прячут в бомбоубежищах и свои автомобили.

С командного пункта корпуса ПВО сообщили, что у них нет радиолокационной картинки для наблюдения за боевыми действиями – РЛС не работает. Невероятно, если это правда. Отправить бы их всех к нам или в такой же боевой дивизион. Было бы что увидеть на экране радара. Посмотрел бы я тогда, нужна им картинка, или были бы рады, что целы и невредимы.

Во время передачи дежурства в 6.00 Дани мне посоветовал обратить внимание на то, что в районе Купиново вертится какой-то вертолёт. Говорит: „Не пытайся обнаружить его излучением СНР, это бесполезно“. Полностью с ним согласен. Мы это и раньше с ним обсуждали.

Вчера поручик Црнобрня сказал Вукосављевичу, что они нашли обломки „Томагавка“ в районе деревни Прогар, и что подполковник Гойко Вучич нашёл ещё один неразорвавшийся снаряд. Скорее всего это HARM. Бора говорит, что подполковнику Носкову повезло – после взрыва ракеты большая часть осколков прошла через кабину над его головой и вылетела с другой стороны. Одна дверь в кабине была открыта, поэтому ударная волна выбила другую дверь.

В доме парикмахера Миланки вчера днём сержант Любенкович принимал ванну. Передала мне привет. Это её мужа я отругал накануне ночью, когда он привёз на огневую позицию машину щёбня и подъехал к технике с включёнными фарами.

Вчера, когда ждали русскую делегацию, каждому из боевой смены придумывали псевдонимы. Все кумовья. Больше всего смеялись, когда Драгана Матича окрестили Ташко Начич. Меня называли Анджелко Джорджевич. Развлечение, чтобы скоротать время. Не придумали имя Седлаку и Миялковичу.

Надо поблагодарить Пошараца, начальника бригады монтеров “Телеком” с почты Печинци за то, что помог нам наладить связь.

Данка переживает за отца. Не знает что делать, если понадобится операция на почках. О наших родственниках, как и о войне в Боснии, никто не беспокоится. Они обречены решать свои проблемы сами. У кого-то есть деньги, а у кого-то нет. Никто не говорит, чтобы им платили, но хотя бы нам выдали зарплату, чтобы мы могли что-то отправить домой.

В 7.00 с командного пункта Бригады объявили готовность № 2.

После посещения мест бомбардировок в Белграде Сергей Бабурин заявил, что Россия не останется в стороне. Они били и по склонам Фрушки Горы. Что же с Врдником, моей родиной в прекрасной долине?

Милошевич и Ругова заявили, что необходимо найти политическое решение. Албанцы поняли, что они были пешками в руках Америки. Они готовы прекратить войну, потому что АОК (так называемая Армия освобождения Косова – *Прим. перев.*) разбита в Косово – сообщили вчера СМИ.

Для производства 100 крылатых ракет требуется примерно один год с максимальным использованием потенциала военной промышленности. По оценке аналитиков, против нас уже использовано 300–400 крылатых ракет.

В одном из агрегатов кабины энергообеспечения протечка радиатора водяного охлаждения, а в другом протекает масло на маховик. Система селекции движущихся целей СНР до сих пор неисправна. Дани об этом не докладывал на командный пункт Бригады.

Снова слышны взрывы примерно в 8 километрах от нас. Это происходит около Никинаца – они там что-то экспериментируют. Наши этого вчера не знали, поэтому вели активный поиск. Вероятно это не связано с каким-то командным пунктом сухопутных войск.

Командир взвода связи поручик Стоянович проверил все каналы внутренней и внешней связи.

В 8.43 нам объявлена готовность № 1. В 9.00 я сообщил майору Янку Алексичу о неисправностях на агрегатах и напомнил, что в дивизион поступили две ракеты 5B27У вместо 5B27Д.

Через несколько часов из мастерских Бригады прибыли люди для ремонта агрегата. Ничего не смогли сделать с радиатором. Пошлют прапорщика Ярковича попробовать устранить утечку масла в агрегате. Он замечательный командир и специалист, который раньше служил у меня в батарее наведения ракет.

В дивизион прибыли подполковник Драгован Матиевич и журналист газеты „Армия“ Бранко Копунович. Они провели съёмку и взяли интервью у меня и поручика Николича. Через Матиевича я передал Данке 300 динаров.

С командиром батареи майором Роксандичем и поручиком Николичем мы проверили горизонтирование пусковых установок.

В 21.40 треснула крышка на фильтре очистки топлива на дизель-генераторе П-18. Мы перешли на другой агрегат. В 21.30 в небе появляются какие-то объекты. Наблюдались яркие точки, которые периодически меняли цвет. Их было не менее трёх или четырёх. Дани позвонил мне на позицию и предположил что это автожиры. В 23.10 с П-18 мне сообщили, что отказал и второй дизель-генератор. Я доложил об этом подполковнику Благовевичу на командный пункт Бригады. Он мне сердито ответил: „Твою мать, Джордже! И что теперь?“ В воздухе целей не было. Выходка и алкоголик. Мы его называем „Локатор № 2“ (от сербского глагола „локати“ – лакать, пьянствовать – *Прим. перев.*), потому что он алкоголик. При первой возможности я пошлю его подальше. Говорю ему: „Что касается агрегата питания, то мы пытаемся решить проблему. Не я же его сломал. Знаешь ли ты, что такое отказ техники?“ Я никогда не мог понять, почему люди, склонные к употреблению алкоголя, оказываются на месте, где решается судьба людей и их жизней. Откуда я знаю – трезвый он или с похмелья?! За это он должен нести ответственность, а не издеваться над подчиненными подразделениями и руководителями стрельбы.

В 23.38 по его приказу начали поиск радаром СНР в секторе от 350 до 0 градусов. Нужно искать вертолёт в районе реки Савы. Для нашей станции это не район реки. Я отказался. В этом направлении мы и вчера искали вертолёт радаром СНР 10–12 секунд без шанса найти что-то. Он мне сказал: „Иди тогда домой“. Трубку взял полковник Станкович и приказал нам искать в указанном секторе с излучением. Никто тебе не верит, а суеты много. Сильное отражение от местных объектов и офицер наведения ничего не видит. Я приказал перейти в пассивный режим. То, что было приказано – это большая глупость. Не будет вертолёт лететь над руслом реки так высоко, чтобы я его видел. И вертолёт, и „Томагавк“ над рекой летают низко. Иначе зачем им река. Что делает войсковая ПВО, если мы должны искать маловысотные цели? На какой высоте может лететь вертолёт? Любое другое оружие его может обстрелять, а они привлекают нас. Мы предназначены для чего-то другого. Что тут скажешь – чистой воды головотяпство.

Воскресенье, 04.04.1999

С 06.00 до 12.00 я был на дежурстве. В 9.30 мы получили команду о снятии с готовности, и сразу начали перевод техники в транспортное положение. Прошедшей ночью смена Дани работала по двум целям. Групповая цель на дальности 15 километров и одиночная на дальности 8 километров. Искали 2–3 раза, но не обнаружили. Нужно разобраться, почему. Оператор П-18 сержант Любенкович наблюдал их на экране РЛС, а майор Дотлич и капитан Голубович говорят, что на экране СНР цель была очень маленькая, как точка. Разве возможны такие большие потери сигнала в кабеле? Любенковичу необходимо выделить в помощь ещё одного человека.

Ночью Дани вместо себя на дежурство послал майора Дотлича, помощника командира по тылу. Поведение Дани стало другим, он изменился.

Вчера, когда я был у управляющего кооперативом Жики, он мне рассказал о том, что Дани говорил ему, что на днях станет полковником. Так вот оно что! Поэтому и изменение в поведении. Новому знакомому он сообщил новость, а от своих ближайших соратников скрывает. В чём причина? Случайность? Может быть. Наиболее вероятно это потому, что он человек генерала Биги. Наверное, Бига рассказал ему об этом, когда приезжала русская делегация.

При переводе СНР операторы Тиосавлевич и Волф отключили все кабели, кроме кабеля передатчика команд. При опускании антенны УНВ опорной осью повредили кабель. Сержант Тиославлевич с несколькими солдатами должен отправиться в Яково за резервным кабелем. А майор Дотлич с водителем Лукичем на „Ниве“ отправились к подполковнику Джевичу, чтобы снять кабель с резервного фонда.

Майор Янко Алексич из штаба Бригады сообщил, что приедет в наш дивизион, чтобы посмотреть на повреждение. Ночью, когда я вернулся с техники, у нас была милиция. Обсуждали, как действовать при налёте авиации, мероприятия по сохранению скрытности дивизиона и организацию прочёсывания местности по поиску радиомаячков НАТО.

По возвращении в лагерь около 11.30, на кровати я обнаружил две сумки, наполненные нижним бельём. Это местные жители собрали деньги и купили для армии. Акцию организовала младшая дочь Жики. Нас исключительно хорошо принимали. Старший сержант 1 класса Милан Барвалац принёс паёк сигарет за последние шесть дней – каждому по три пачки.

Разговаривал по телефону с Данкой. Она мне сообщила: „Сегодня ночью разбили теплоцентр в Блоке 70а Белграда, а значит и резервуары с топливом. Это было ужасно. У кого не были открыты дверь или окна, побило стёкла.“

Поручик Црнобрня передал мне сообщение, что Дотлич должен связаться с Терзичем по поводу суточных для расчёта за 24–31 марта. Я дал номер телефона Терзича курьеру солдату Косте, когда он вернулся от подполковника Джевича.

В дивизион прибыл доброволец Йовица Йовичин из Румы. Дани написал подтверждение, что мы в нём нуждаемся, и сказал, что он должен обратиться в военкомат Сремской Митровици или Румы с просьбой о распределении к нам.

Утром около 6.30 мне позвонил Дани и сказал, чтобы я сообщил полковнику Станковичу о НАТО-вском радиомаяке, который нашли рядом с нашей позицией. Станкович потребовал, чтобы с ним связался Дани. Я передал это Дани, и они, наверное, созвонились.

Послал сообщение на пейджер Пошарацу, чтобы он поехал в Огар и забрал кабели.

Живан Йованович из деревни Буджановци видел старт и падение какой-то ракеты. Надо послать кого-то из ракетчиков и посмотреть номер ракеты. По возвращении из разведки около 12.15 Дани сказал, что ракета почти целая. По пути он встретил майора Поповича из 250 бригады ПВО. Устно он передал распоряжение: „Идёте обратно в район деревни Прхово“.

Я приказал командиру батареи наведения ракет впредь держать под контролем действия личного состава и не допускать ошибок, связанных с человеческим фактором.

Технику в боевое положение в районе деревни Прхово мы перевели около 20.00. На дежурстве до 24.00 осталась боевая смена Дани. Техника исправна. В помощь нам на РЛС П-18 назначены майор Попович и капитан Вучкович. Нас уведомили о начале налёта крылатых ракет и самолётов. Сообщили, что в воздухе примерно 50–60 крылатых ракет. Это вряд ли. Предполагаю, что любой сигнал шума на экране они воспринимают как крылатую ракету.

Понедельник, 05.04.1999

С 0.00 до 8.00 я на дежурстве со своей сменой. В 1.00 Станкович приказал поднять высокое напряжение на передатчике команд и быть в готовности, потому что запущены крылатые ракеты. В 2.00 начался массированный налёт авиации. Неразумно снова работать на прежней позиции. А накануне смена Дани около 45 секунд искала крылатые ракеты и вертолёты. Ничего не нашли. Когда кто-нибудь там, наверху, на командном пункте Бригады поймёт, что на нижней границе системы невозможно обнаружить цель, которая летит на высоте 100 метров? Что делают „Праги“, „Борфорсы“, „Стрелы“ на пути полёта крылатых ракет, которые летят над руслами рек, вдоль шоссе, над железными дорогами? Дани сказал, что из-за этого тоже поругался со Станковичем. Мы себя обнаруживаем.

Они знали, что мы находимся здесь, и одно время около зоны поражения на дальности 20–22 километров находилось около десятка целей на разных азимутах. Мы реагировали спокойно. Мы ждали, пока кто-то войдёт в зону поражения. Они выманивали нас, как рыба дёргает поплавок, и ждали, когда мы себя обнаружим излучением СНР. На большой дальности (30–35 километров) появилась отметка новой цели. Пусковые установки в постоянной готовности и есть опасность остаться без ракет.

В какой-то момент имитатор излучения нам сильно помог отпугнуть две цели, пока мы были нацелены на две другие. С противоположного направления появилась ещё одна цель и, пока мы разворачивали антенну, успела уйти. Обнаруженные цели находятся на высоте от 5 до 8 километров, а наблюдатели сообщили, что над позицией прошло 5–6 самолётов на большой высоте. При массированном налёте невозможно одновременно работать по целям на разных высотах. Ситуация была крайне серьёзная и тяжёлая. В кабине царила тишина. Понимая нашу ситуацию, полковник Станкович приказал: если они попытаются пройти, сосредоточиться на одном и стрелять независимо от того, есть захват или нет. Мы попробовали три или четыре раза по 10 секунд обнаружить цель, но не удалось. Эту ночную смену надо запомнить по сложности и напряжённости.

Около 4.00 пропала связь с командным пунктом Бригады. Был очень пронзительный звук, как будто непрерывно звонит телефон.

Я узнал, что мой однокашник Джорджевич стрелял около 2.30, а через 20–30 минут после этого натиск авиации ослаб, и она ушла. Это мне рассказал Црнобрня, когда приходил ко мне в лагерь в Шимановцах около 9.00. Он рассказал и то, что Джокича обнаружили и обстреляли, есть трое раненых и погиб капитан Тепавац. Я с ним не был знаком. Это, видимо, первый погибший офицер из 250 бригады ПВО. Слава герою! На его месте могла оказаться и моя смена. Слава Богу, что у нас нет потерь.

Около 7.00 я разговаривал с полковником Паульевичем, который был прислан к нам в помощь Бригадой. Попросил его передать демагогам на командном пункте Бригады, что нет никакого смысла в том, что мы пытаемся обнаружить вертолёты и крылатые ракеты. Пусть применяют сухопутные войска, чтобы закрыть направления „Иглами“, „Стрелами“, „Борфорсами“ и другими лёгкими средствами вооружения. Найдите способы, чтобы определить возможные направления полёта крылатых ракет по высоте и глубине проникновения. Расставьте орудия и все другие малые средства, а нам дайте воевать с авиацией. Пусть все демагоги, которые думают, что они что-то могут, приходят, садятся и ведут поиск, пусть делают, как знают и умеют. Никто из штаба Бригады до сих пор не пришёл в дивизион, где стреляют и убивают. Единственный офицер, который прибыл в дивизион своего однокашника подполковника Носкова, был подполковник Гойко Вучич.

Около 16.30 на огневую позицию прибыл мой приятель Пера Банга, который после демобилизации живёт в Прхове. Там живут его родители. Пригласил меня в гости, обещал приготовить в казане хороший гуляш. Я поблагодарил его, но сказал, что это невозможно.

Разговаривал с Данкой. Она спокойна. Привыкает к войне. Я рад, что у неё больше нет паники. Сменила место работы. Теперь работает через день. Очень хочется попить с ней кофе. Я похудел. Это понятно по дырочкам в ремне.

Около 17.00 приехала милиция, чтобы им дали офицера или сержанта для совместного осмотра ракеты, которую нашли около деревни Михальевац. Она наполовину вошла в землю и не взорвалась. Я отправил их к Дани в Шимановци, чтобы кто-то из ракетной батареи пошёл с ними. Моё дежурство сегодня с 18.00 до 24.00.

Около 17.30 прибыли подполковники Байич, Коман и майор Станчич для того, чтобы установить камеру ТОС на СНР. Она обеспечивает видимость в течение полутора часов после захода солнца и столько же перед восходом. Объяснили нам возможный диапазон использования по освещённости. Офицеры поцеловали меня и сказали: „Браво, командир, ты вошёл в историю. Ты сломал им рынок сбыта. С Саудовской Аравией был контракт на поставку 40 самолётов“. Байичу я сказал, что нужно как можно быстрее сделать дистанционное управление имитатором излучения. Это очень важно для оперативности боевой работы и безопасности личного состава. Сейчас оператор сидит в укрытии и по команде об изменении азимута излучения должен бежать к имитатору и после разворота на нужный азимут снова бежать в траншею, и только после этого включать излучение. Траншея на расстоянии 100 метров. Это примитивно. Есть возможность действовать по-другому, более эффективно: когда офицер наведения поворачивает антенну СНР – синхронно поворачивается и имитатор. Очень просто и дешево. Годами не вкладывали в армию. А все хотят успеха. Чем? Рогаткой?! Как будто наше командование не знает, чем и как мы воюем.

Поручик Црнобрня рассказал, что узнал как погиб капитан (или капитан 1 класса) Тепавац из Обреноваца. Оказалось, что не были закреплены аппаратные блоки в кабине, и при попадании противорадарной ракеты в СНР от взрыва вылетел блок и убил его. У нас в станции все блоки закрепил и проверил сержант Зденко Волф.

На огневой позиции должен быть запас ракет из расчёта по четыре на каждую пусковую. Не должно быть такого, чтобы у нас не оказалось ракет для стрельбы. Командир ракетной батареи Роксандич об этом не подумал.

В 19.25 Црнобрня задержал гражданское лицо – спортсмена Теодора Райича из Раковицы, который совершал тренировочную пробежку, члена сборной Югославии по карате.

Около 19.50 Бойич закончил установку, настройку и фокусировку камеры ТОС. Видимость хорошая.

С 20.00 до 24.00 находимся в готовности № 1, практически до конца дежурства. На экране РЛС я наблюдал оргии авиации НАТО над Нови-Садом. Я вспоминал любимый город. Я вспомнил, как прошлым летом пил кофе с Данкой в пешеходном оазисе в прекрасной обстановке. Но в это время на дальности 22 километра появилась цель. В зону не входила. Все средства в готовности. Ракеты на подготовке. Адреналин прибывает, но сердце бьётся ровно. Нервы уже достаточно натренированы. Офицер наведения капитан 1 класса Муминович и сержант Тиосавлевич признались, что предыдущей ночью у них был стресс. Тиосавлевич сказал, что когда вчера он посмотрел на мой экран и увидел, сколько целей вокруг нас, ему стало дурно. Он повернулся к своему экрану и больше не осмелился смотреть на мой. Тепавац позвонил и сказал, что рядом с нами прошёл один самолёт. На экране РЛС я его не видел (он находился в мёртвой зоне).

После того, как я вчера сказал полковнику Паульевичу, чтобы они больше не занимались ерундой, и что мы больше не будем искать радаром СНР крылатые ракеты и вертолёты, ситу-

ация улучшилась. Они поняли, что это глупость, и невозможно нашими силами обнаруживать и обстреливать маловысотные цели.

По прибытии на дежурство Дани рассказал мне свой сон – что когда солдат Коста стал его будить, то он ему сказал, что я добровольно остаюсь на технике. И продолжил спать. Когда солдат его снова разбудил и сказали, что весь расчёт уже в автобусе и ждёт только его – он вскочил как ошпаренный. Поэтому смена задержалась на 10 минут. Я не упрекнул его за это, знаю, что все мы устали.

Прапорщик Илия Вучкович ночью на П-18, которая работает в интересах Бригады. На экране интенсивная электронная засветка – это были активные шумовые помехи. В сложных условиях он выдавал информацию.

Прапорщик Славко Варга работал на РЛС вместо Любенковича и хорошо с этим справился. Делает всё, как я приказал.

Я чувствую большое уважение и доверие моей смены. Выполняют любую мою команду. Они осознают, что мы одна команда. И понимают, что только хорошо обученная и слаженная команда может что-то сделать и сберечь себя. Удивительно, как человек в таких исключительных обстоятельствах сохраняет спокойствие, не имеет страха, и как все спокойно и хладнокровно принимают решения.

Вторник, 06.04.1999

День прибывает. Кто-то из смены поделился вслух размышлениями о том, как будет противно сегодня ночью на дежурстве с 00.00 до 6.00. Не обременяю себя этим.

Майор Дотлич и сержант Бугарин отправились в деревню Михальевац осмотреть и забрать ускоритель (первую ступень ракеты). После сравнения цифр мы поймём, наша это ракета или нет. Я приказал инженеру дивизиона майору Стоименову обеспечить электропитание П-18 от дизель-генератора СНР. После этого отключить ДЭС на П-18. Необходимо экономить топливо.

Поручик Николич дал своему отцу адрес и номер телефона, чтобы он навестил его. Обычно к нам приезжают родственники, а не мы к ним. Родственные связи становятся более тёплыми. Я это замечаю.

Вижу, как просыпается природа. Прекрасное утро. Зацветает слива. Как красиво весной. К чёрту войну и глупости этого мира.

Данка сегодня на работе. Не знаю её рабочего телефона. Позвоню к вечеру. Мне спокойнее, когда её слышу. Захотелось её увидеть. Четырнадцатый день войны. У старшего сержанта Малетича есть резервист, симпатичный мальчик, Славиша Павлович. „Если война продлится ещё месяц – трахну Славиша“, – пошутил Малетич. Общий смех на местах.

В „Новостях“ увидел подтверждение гибели капитана Тепаваца. Очень его жаль.

Данка вчера сказала, что ей не выдали талоны на топливо. Я разозлился. Буду звонить Ковачевичу в полицию и решать эту проблему. Я знаю, что он переживает о старых родителях. Мы защитили честь страны и принесли ей славу. Мы нанесли пощечину НАТО на глазах всего мира, а наша система не решает вопрос обеспечения меня топливом по талонам. Я разочарован тем, что все пренебрегают проблемами наших родственников.

В 11.30 Стоименов мне сообщил, что обеспечил распределение электропитания на П-18 от дизель-генератора СНР. Дополнительно подключена пусковая установка на западном направлении с двумя ракетами. Теперь у нас много ракет, вооружённость ракетной батареи составляет 75 %.

Мне позвонил Ковачевич из отдела полиции Печинци и сказал, что привезёт мне или топливо, или талоны на 40 литров для Данки.

Я поехал разведать местность для позиции в районе деревни Карловчич и нашёл очень подходящее место. Нашёл инженерное подразделение, которым командовал подполковник Никола Станисавлевич. Осмотрели с ним позицию. Я подробно ему объяснил и нарисовал, какое требуется инженерное оборудование и защитные насыпи.

Заехал к родителям Данки – Милану и Наде, чей дом находится на выезде из деревни. Я у них помылся и вздремнул час-полтора. Встретил Симу, полковника на пенсии. Он расцеловал меня и поздравил с успехами.

Сегодня в ночь с 00.00 до 6.00 мне опять на дежурство. Когда я проходил через Деч, небо светилось от трасс снарядов зенитных пушек 20/3. Стреляли, вероятно, по крылатым ракетам.

На левом сапоге у меня лопнул ремешок. Теперь он стал менее удобным.

В дивизионе сегодня был полковник Станкович, поэтому Дани пришёл на смену с опозданием на 45 минут. Дани мне сказал, что Станкович спросил его, почему я нервничаю. „Как не нервничать, если нам приказывают всякие глупости“, – ответил я.

Сегодня стало известно, как был поражён дивизион Джокича из Обреноваца. Они обнаружили групповую цель (2 самолёта) на дальности 30 километров и сопровождали их с интервалом 6–10 секунд. А кто-то другой со стороны выпустил по ним противорадарную ракету. Воевать по книге плохо. Противник хорошо знает наши возможности.

Сегодня в Югославию с визитом прибыл Селезнёв.

Среда, 07.04.1999

Я был на дежурстве с 00.00 до 8.00. За это время был нанесён удар по Нови-Саду. На командном пункте Бригады находился полковник Паульевич. Назначил нам сектор ответственности. Было очень приятно с ним работать. После дежурства я ушёл в лагерь и в 9.00 лёг спать. В 10.15 мне позвонил Дани и сказал, что поступил приказ: меняем дислокацию. Я приказал коменданту лагеря в Шимановцах прапорщику Жугичу отправить водителей с машинами на огневую позицию. А водителя Лукича отправил собрать личный состав. Прибыли они очень быстро. Когда расчёт был на месте, начали перевод техники. В это время с командного пункта Бригады поступила команда перейти в готовность № 1. Командир батареи Голубович задал им вопрос, как можно перейти в готовность № 1, если мы начали перевод техники в транспортное положение. Благоевич в ответ сказал: „Всё в порядке, продолжайте перевод техники“. Вероятно, в какой-то момент произошёл сбой передачи информации.

Перевод техники закончили очень быстро – в 12.15. Дани всё ещё находился на разведке местности для новой огневой позиции. Прапорщик Йович свернул имитатор излучения, а сержант Волф должен будет перевозить его на автомобиле.

В фирме „Термомонт“ в Шимановцах я взял 14 метров кабеля с разъёмами „папа-мама“ и отдал их командиру батареи капитану Голубовичу, чтобы он сделал удлинитель.

Во время нашего перевода техники дивизион подполковника Носкова находился в готовности № 1 и прикрывал нас.

Приехал Црнобрня, и мы беседовали в его машине. Он сообщил, что достанет бронежилеты для нашего дивизиона. По крайней мере, 10 штук для боевого расчёта на огневой позиции. Меня это обрадовало. Но с учётом того, что я не спал день и ночь, и ещё не буду спать день, в моей голове была неразбериха. Майор Стоименов и Армуш отправились в лесничество, чтобы взять ещё 50 брёвен. Мы направляемся в район деревни Попинци. Это наша пятая передислокация.

Врач дивизиона Джукич напомнил мне, что завтра я должен явиться к стоматологу в Печинцах.

Проблема с топливом – сломался бензовоз FAP. Нам нужен другой транспорт.

В 19.10 я доложил на командный пункт Бригады об окончании перевода техники в боевое положение. К этому времени мы замаскировали СНР и кабину распределения питания, установили вокруг брёвна для их защиты. Эту работу выполнял сержант Волф на „КрАЗе“. Я восхищён его профессиональной работой.

При расположении пусковых установок на новой позиции майор Роксандич установил их под углом 60 градусов. Это плохо. Резервисты начали возмущаться, когда я приказал прекратить работу. Один резервист сказал Роксандичу: „Отлично, майор. Знаешь ли ты свою работу?“ Я им заметил, что каждый человек может ошибаться и что майор сильно устал. Лучше ошибку устранить сейчас, чем остаться без головы потом. Они смотрели на меня молча, согласились со мной и начали перемещать пусковую установку на то место, которое я указал. При установке монитора камеры ТОС появилась проблема – кабель был без разъёма, поэтому было потеряно качество изображения.

Когда я сообщил Благоевичу на командный пункт о том, что мы расположились на огневой позиции Попинци, он выразил удивление: „Джордже, разве это возможно, что вы уже закончили? Молодцы“. Это была адекватная реакция, а не то что накануне. Вслед за курьером солдатом Костой я отправился в Шимановцы для руководства обустройством лагеря. Поужинал и пообедал одновременно – ел фасоль. Это второй или третий раз, когда мы можем поесть все вместе. Майор Дотлич во время перевода техники привёз суточные. Это всем подняло настроение.

В 20.00 мы переведены в готовность № 1. Очередное дежурство. Техника снова работает, взгляд не отрывается от вращающейся линии на экране РЛС. Сколько это будет продолжаться? До 23.00 в небе было чисто, когда я заметил на экране 6 целей в секторе от 30 до 350 градусов на большой дальности. Как будто они прощупывали расположение объектов ПВО. По сравнению с прошлой эта ночь более спокойная. Услышали в новостях, что „Томагавками“ нанесли удар по зданию Генерального штаба. Последствия неизвестны.

Когда я брал бутылку с водой, то не заметил, что она открыта и сильно облился. Намочил всё – брюки, куртку, майку. Попросил солдата включить обогреватель.

В Брюсселе заседает НАТО. Признали большие потери авиации. У них уничтожено или повреждено около 36 самолётов.

Мне позвонил Црнобрня и поделился информацией, что в боевых действиях будут использовать диверсионные группы на вертолётах. В этот момент я подумал, что наш расчёт во время боевых действий не защищён, и по этому вопросу необходимо предпринять меры. Один расчёт „Стрела-2М“ я разместил на путепроводе шоссе. Поручик Стоянович со своим взводом обеспечил хорошую связь.

Я смотрю на свою боевую смену. Офицер наведения капитан 1 класса Муминович, операторы ручного сопровождения по Ф1 Волф и по Ф2 Тиосавлевич, у меня за спиной – помощник руководителя стрельбы майор Стоименов, командир ракетной батареи поручик Николич и записывающий солдат Давор Бложич. На энергосредствах старший сержант Малетич и солдат-резервист Славиша Павлович. На П-18 Любенкович. Замечательные ребята. Задремали. Я их не бужу. Прошлую ночь они дежурили, весь день передислокация и опять на дежурстве.

При проведении контроля функционирования выяснилось, что не работает привод по углу места. Неисправность устраняют Стоименов, Муминович и Тиосавлевич. Остальные отправляются в лагерь отдыхать. Но тыловики не сделали свою работу. Оказалось, что расчёту негде спать. Я разозлился. Утром буду решать эту проблему. Когда расчёт приходит в лагерь, всё должно быть уже подготовлено.

Четверг, 08.04.1999

В 7.00 меня разбудил майор Борис Стоименов. Он хочет до дежурства сходить на почту в деревню и отправить жене деньги, которые вчера получил. Оказалось, что почта не работает. Кто-то из местных жителей объяснил нам, где можно найти почтальона. Он владелец частного магазина. Борис дал ему адрес и деньги. Он хотел съесть бурек (слоёный пирог – *Прим. перев.*) и йогурт. Очень любит йогурт. Но его здесь нет. Возвращаемся в лагерь. Стоименов с боевой сменой уходит на огневую позицию, а смена Дани возвращается в лагерь. Сам Дани остался на позиции дожидаться меня.

Вчера мы договорились, что до моего возвращения от стоматолога на дежурстве будет только Борис. Наверное, Дани забыл об этом. Я отправляюсь на огневую позицию. Там мы договариваемся, что остаётся Борис. Обсудили, как организовать хорошие бытовые условия в лагере. Расчёт после дежурства должен прийти в подготовленный лагерь и не искать место, где спать. Нужно привлечь прапорщика Седлака. Дани возвращается в лагерь, а я иду к доктору Джукичу, чтобы он мне сообщил время и место моего визита к стоматологу. Нужно из зуба удалить лекарство, которое было введено, чтобы убить нерв в верхней правой „пятёрке“. Застал его за завтраком в доме, в котором он разместился. Хозяева пригласили позавтракать вместе с ними. Я из вежливости согласился. На завтрак была ветчина, варёные яйца и сыр.

Еду в Печинци. По пути у сапожника Цвеи привёл в порядок кобуру, которая вся расползлась, и застёжку левого сапога. У него не было подходящих запасных застёжек, и он поставил одну металлическую серую, а другую белую. В шутку сказал: „От сглаза“. Иду в отдел полиции, чтобы у Ковачевича получить талоны на топливо для Данки. Обеспечил 20-ю литрами бензина. Пока пили кофе, он пытался подобрать мне сапоги. Но моего размера не оказалось.

Я пошёл в лазарет к стоматологу. На лестнице я почувствовал вибрацию пейджера. Пришло сообщение от Данки. Спрашивает, получил ли я вчера сообщение. Я ответил, что не получал. „Как?“, – удивилась она. После зубных дел связываюсь с Данкой. Сказал, что у меня есть дела в Карловчиче и могу заскочить к её родителям.

В окрестностях деревни есть много прекрасных мест для огневых позиций. Земля закишшая и необработанная. Прихожу к ним. Милан меня целует. Какой-то парень рубит ему дрова. Собрал мне колбасу, окорок и яйца для моих сослуживцев. Нада накрыла стол к обеду. Приятное чувство. Хотя на мгновение, на несколько часов, почувствовать домашнюю атмосферу. Пью кофе. Цветы вынесены из дома на террасу. Двери гостиной широко распахнуты. Это невозможно передать. Я помылся и расслабился. Это было расслабление только тела, но не души. Все привыкают к жизни в условиях войны.

Я уснул спокойный и чистый. Возможно, я их смущаю. После 15–16 дней войны и сна в каких-то дырах и в грязи, это состояние – как выигрыш в „Бинго“. Для меня всё это странно. Моя жизнь и моё время теперь идут другим путём. Путём выживания и существования.

Рассказал им про дочь Муминовича. Сенад сообщил Дулету Лупулову, что он офицер наведения, сбивший F-117A. Дулет в свою очередь рассказал об этом жене Сенада. Жена пересказала дочери и сыну. Когда Муминович разговаривал с семьёй по телефону, дочь его спросила: „Папа, это правда, что мне рассказала мама?“. Он подтвердил. „Папа, если это правда, то я горжусь тобой до неба“, – ответила ему дочь. Ей всего 11–12 лет.

Я вспомнил своего сына. Гордится ли он мной? Пера Банга сказал мне на днях в Прхове, что сосед Новица, который живёт напротив моего бывшего тестя, обещал привезти моего сына Влада в Прхово, чтобы мы увиделись. Но он не приехал. Тайно надеюсь, что его не известили. Может быть, я ошибаюсь и причина в чём-то другом. Собираюсь уходить. Я осознавал, что иду навстречу новой неизвестности и бессонной ночи. Тревога проникает в моё тело и душу. Так бывает каждый вечер и каждую ночь. Боже, как долго длится ночь.

Милан мне рассказал, что по Срему идёт молва о некоем Аничиче. Говорят, что это авторитетный и грамотный офицер, заслуживающий доверие и уважение. Народ также знает, что у нас нет современного оружия. На прощание я им оставил 550 динаров для Данки, если приедет. Оставил Милану оплавленные кусочки F-117A, чтобы поделился с друзьями. Он этим гордится. И все, кому он давал обломки, воспринимали это как честь.

Я сел в машину и около 19.00 приехал в лагерь в Попинци. Дани спит, вместо него на дежурстве майора Дотлич, которого он вызвал из Огара. Поговорили о сегодняшних делах. Дани водил Голуба и Роксандича на обед в Шимановци. Обедали бесплатно. Хозяин отказался от денег. Вечером, через полчаса, прибыли глава местного муниципалитета Слободан (Бобан) Петрович и Радован Бабич. Они принесли две листовки НАТО разного содержания. Напечатаны одинаковым шрифтом, но разного размера. Текст длинный, некогда переписывать. Я убрал их в свой бумажник. Рассуждаем, кто и как их разбросал, и как организовать деревню на прочёсывание местности. Охотники (стрелки сельского караула – *прим. перев.*) перегружены.

Мы долго осматривали местность и сильно устали. Когда подошли к церкви, то увидели, что сломаны ступени лестницы. Нам нужно попасть на крышу. Сказал им, что, несмотря на усталость, надо сделать новые ступени. Они расслабились, ушли в себя. Поведал им, что у нас в деревне в таких случаях говорят: „Из этого сделать часовню“. Они смеются, но задание поняли правильно. Рассуждаем о менталитете сремца. Они правы. Сремцы гордецы и балагуры.

Начинается гроза. Я получаю на пейджер сообщение – надо связаться с Данкой. Я сейчас не могу. Свяжусь сегодня попозже или утром. Данка написала, что рассказала Любе и Джолету в Врднике, что мы сбили самолёт. Они плакали от счастья и гордости. Могу представить, какая реакция среди жителей Врдника.

Ложусь спать, потому что с 00.00 до 6.00 мне на дежурство. Не могу уснуть, в голове тысячи мыслей. О жизни, о нынешнем положении, о будущем. Теперь мне стал понятен городскоп, который мне сделали до войны о Данке, о её дочери Наташе и обо мне. Мне сказали, что я буду жить долго, если переживу 42-летие. Через несколько дней мне исполнится 41 год, начнётся 42-й год жизни. Я съёжился. Я всегда ношу в кармане церковный календарь, который мне подарил Джордже, тёзка из Огара, чтобы хранил меня. На нём икона „Троеручица“. В октябре Данка подарила мне освящённый крест из тика и повесила мне на шею, чтобы он хранил меня. Усталый, с хаосом мыслей в голове, я заснул. Мне показалось, что я только закрыл глаза, когда курьер Коста меня разбудил с чашечкой двойного кофе. Пора готовиться на дежурство. Перед моим выходом вернулся Дани. От него пахло алкоголем. Сказал, что выпил 2–3 пива. Из корпуса ПВО прибыл полковник Иванович. У него прозвище „Молния“.

Отправляюсь на „Ниве“ на дежурство на огневую позицию, в кабину с монотонным гулом и шумом. Наверное, Данка права, когда говорит: „Поэтому вы все глухие“. Нижнее бельё, которое она отправила с однокашником Матиевичем, я ещё не получил. Дотлич на „Ниве“ уехал в Огар. С 3.00 часов до утра мы в готовности № 1. В зоне действия целей не было. За всю ночь несколько целей с севера на дальности 45 километров, и всё. Около 1.00 в кабину прибыли полковник Иванович с Дани. Был у нас до 2.30. Рассказал о том, как пострадали две батареи „Куб“. Ему понравилась идея, как мы огородили СНР брёвнами. Знаю от майора Стоименова, что Иванович любит хорошо выпить. Я его знаю в лицо. Видимо, и он знает меня.

Около 3.00 началась гроза, и одна молния ударила где-то на позиции. На открытой местности очень много металла. Незадолго до удара молнии от индукции сгорела лампочка на селекторе связи. Потом следующий удар. Прапорщик Йович с имитатора излучения хочет уйти с позиции в машину. „Как я тебя вызову, если ты мне понадобишься?“ – спрашиваю я. „Никак“. „Э, так не пойдёт. Оставайся на месте. Ты единственный, кто может нас прикрыть“. Он не прав. Ему было страшно на узле связи на позиции в Шимановцах. Захотел на имитатор. Теперь опять хочет быть связистом, потому что это далеко от огневой позиции. Видимо, ему трудно контролировать свой страх.

Около 5.00 слушаю новости по радио. Бомбили восточную часть Белграда, Крагуевац, Ягодину, Валево и ещё что-то. Данка мне рассказала, что смотрела по телевизору репортаж о трёх американцах, которых задержали в Косово. Они были хорошими детьми и школьниками. Родители и страна беспокоятся о них. А мы чьи дети? Беспокоится ли нация о нас? Они мне отвратительны и вызывают чувство брезгливости. Наши дети плачут и мёрзнут в подвалах рядом с мышами и крысами. Как это повлияет на наших детей, и как они будут расти? Действительно, это время пробуждает в человеке мрачные желания и мысли.

Пятница, 09.04.1999

Дежурство закончилось в 8.00, и мы едем в лагерь. На 7–8 километре от Голубинаца старший сержант Джордже Малетич спросил меня, не хочу ли я заехать к нему домой, чтобы вместе позавтракать и выпить кофе. Как я могу отказать товарищу, даже если устал. Входим в небогатый дом. Вижу пожилую женщину, как мне показалось полутора метров ростом, жену и сына Джордже. Пожилая женщина – это его мама, очень добродушная. Они обрадовались нашему приходу. Сыну Саше я шутя говорю: „Иди к дяде Джордже за конфеткой“. Все смеются. Сегодня Страстная пятница. На завтрак яичница, салами и домашняя колбаса – я не выбираю в чужом доме. После завтрака возвращаюсь в Попинци, а Джордже остаётся дома. Потом кто-нибудь его привезёт. Я устал и лёг спать.

Сплю до 14.00. Командир взвода связи Мика Стоянович приготовил кофе. Пока я спал, пришло второе сообщение от Данки. Даю о себе знать, чтобы не волновалась. Я обещал выходить на связь всегда, когда будет возможность, чтобы она знала, что я жив. Сказала мне, что когда всё закончится, она не будет придирается, и что ей очень не хватает меня и мира. „А мне пенсии“, – вставил я. У Тодора сегодня день рождения. Наташа принесла ему кусочек обшивки сбитого самолёта. Сказала, что не придумала, что ему купить, и что такой подарок никто и никогда в жизни ему не подарит. Отец Теодора был в восторге и сказал, что поместит в рамку и сохранит. Профессиональная жилка, он полковник в отставке.

Из Огара местные жители передали нам рыбный суп на обед. Они нас действительно великолепно принимали и очень заботились о нас. Суп хорош, но много костей. Я вспомнил замечательный рыбный суп Данки.

В 15.50 я отправляюсь на огневую позицию. Дани сказал, что в 16.30 к нам приедет командир корпуса ПВО генерал Бане Петрович. Утром около 7.50 позвонил Црнобрня и сказал, что Носков с дивизионом уходит за Дунай в район Панчево, а не в Бечмен. И теперь непонятно, как колонну провести через Белград. Все всё увидят и узнают об этом. Мне кажется, что он волнуется и переживает за Носкова. Сказал, что не знает своего будущего положения – идёт ли с Носковым, или остаётся с нами. До сих пор мы стояли недалеко от Носкова, и это его вероятно устраивало. Теперь, когда они уходят в другом направлении, оставаться только с подполковником Миёвичем и дивизионом Носкова ему не очень хочется.

Дани сказал, что идёт в лагерь побриться и снова прибудет на огневую позицию, чтобы ждать генерала. Как будто я не смогу доложить начальству. „Никто у тебя не заберёт славу. Но и ты не сможешь отобрать славу у нас“, – подумал я. Стрелял расчёт, а не один человек. Пусть делает так, как он хочет. Пусть наслаждается своим новым высоким статусом и эксплуатирует успех всего расчёта. Это стало более заметно в последние дни. Моя интуиция и его эгоистическое поведение подсказывают мне, что я прав.

СНР исправна, и мы переводимся в готовность № 1. Я сижу около кабины и делаю записи в свой дневник. Сегодня я смеялся, когда Мика Стоянович сказал: „У расчёта есть автомобиль, а я приобрёл велосипед“. Поручик Николич спросил разрешения отлучиться к П-18. Какие-то девушки принесли мешки и надо посмотреть их содержимое. Я его отпустил. Через 15–20 минут он принёс полный мешок лущёной кукурузы и говорит: „Завтра у нас будут блины, а сегодня кукуруза, потому что сейчас пост“.

Я вспомнил случай с полковником Ивановичем (его называют „Молния“). Во время взрыва HARM на какой-то позиции „Куба“ в кабине погибли два человека. Один был в рубашке, другой в куртке, а третий был одет в пальто и он остался жив. Иванович считает, что якобы пальто остановило осколки от ракеты. Глупость. Сколько раз сказано: „Нет смерти без судного дня“. Часто вспоминаю покойных мать и отца. Давно не был у них на могиле. Как

только смогу, то обязательно схожу. Зажгу свечу и попрошу их, чтобы всегда хранили меня. Я знаю, они, каждый по-своему, любили меня. Сегодня мама очень гордилась бы мной.

Малетич перед сменой принёс из дома плюшки и пирог с вишней. Кроме того, принёс ещё и коробку с едой на огневую позицию. Майор Стоименов попросил Дани отпустить его домой в Смедерево. Дани не разрешил. Стоименов очень огорчился, но не настаивал. Продолжил грызть семечки.

Я заметил, что ночное дежурство утомляет, если я без жвачки. Вероятно, когда я жую, то весь страх, переживания и тревога уходят через зубы. Может, мне это только кажется, но я чувствую себя лучше и уверенней, и это успокаивает людей.

В 18.55 на пейджер получил сообщение от Дани. Он находится в Печинцах у сотрудника полиции Ковачевича. В 19.00 переходим в готовность № 2.

По имеющимся оценкам, которые опубликованы в газетах и подтверждены НАТО, повреждено и уничтожено 32–36 самолётов коалиции. Материальный ущерб огромен. Голландские и норвежские пилоты отказались летать. Потери составили 88 человек погибших, около 1500 солдат в Македонии бросили оружие и дезертировали на территорию Греции и Болгарии. Селезнёв заявил, что Ельцин и Лукашенко согласились принять Югославию в состав союзного государства России и Белоруссии. У пограничного поста Кошаре албанцы пытались перейти на территорию Югославии. Серьёзный международный инцидент. Они разбиты, как и много раз раньше. Всё это я услышал в новостях в 18.00. Редко смотрю телевизор и читаю газеты. Поэтому между происходящими событиями в мире и моими записями почти нет никакой прямой связи. Я не видел своими глазами разрушений. Может быть для нас, сидящих в кабине СНР на природе, это и лучше.

Дани мне сообщил, что генерал Бане Петрович приезжал, но очень торопился и не успел посетить людей на огневой позиции, то есть мою боевую смену. Сидим и размышляем что это несправедливо по отношению к людям, которые не попали в список сбивших самолёт: записывающий и планшетист солдат Давор Бложич, мой помощник руководителя стрельбы майор Борис Стоименов, расчёт ДЭС и П-18, взвод связи.

В 19.25 по гражданскому каналу связи получили сигнал о переводе в готовность № 1, и через 3–4 минуты я доложил о готовности. Благоевич потребовал, чтобы ему сообщили о готовности установленным сигналом, а так он якобы не понимает. Неадекватный человек. В этих условиях необходимо общаться на понятном языке, а не официальными сигналами. Он по-прежнему использует привычный для мирного времени способ общения. Ещё не перестроился к условиям войны. При первой возможности пошлю его в ..., потому что он меня всегда раздражает. Отношение к нему моего расчёта крайне отрицательное.

Данка вчера мне рассказала историю о том, что из трёх пилотов НАТО, полетевших нас бомбить, один не смог сбросить бомбы, развернулся и улетел на аэродром Сараево. Не знаю, из какой страны был этот пилот, но, вероятно, у него проснулась совесть, и он не смог совершить преступление. Два других пилота сделали своё дело.

Вспомнил капитана Рашчанина и его приказ вести поиск радаром СНР на дальности 30 километров. Джокич выполнил приказ, и в результате погибли люди и разбита техника. Думается мне, что приказ часто бывает прикрытием глупости.

С 20.50 до 21.00 Стоименов и Тиосавлевич пытались включить камеру ТОС, но что-то не так – не работает. Выключили её. Тиосавлевич правит записи в дневнике. Говорит, что когда потом будет перечитывать, то вспомнит, где и как прошла его молодость. Пока все дремлют, я думаю, что когда начинается война, то редко кто правильно действует. Каждый потенциальный противник изучает твои методы и ищет дыры в них для того, чтобы нас уничтожить. Так Джокича и обманули. Он соблюдал правило и работал по схеме: 6–10 секунд излучение, 6–10 секунд молчание. Обработывал цель на дальности 30 километров, далеко за пределами зоны поражения. Мы-то цель уничтожили в гарантированной зоне, и самолёт не успел сделать про-

тиворакетный манёвр, хоть и пытался. Угловые скорости были большие. От большого волнения и короткого времени работы наш офицер наведения Муминович не считывал параметры цели при поражении. Для истории это останется тайной.

Начальник связи 250-й бригады ПВО подполковник Круме Йовановски постоянно настаивает на использовании радиосвязи. Это неприемлемо. В Ираке прослушивали радиоканалы связи, легко обнаруживали командные пункты и огневые позиции и затем избирательно их уничтожали. То же самое произойдёт и с аппаратурой „Ягуар“. Совершенно понятно, что они её изготовили и закодировали, они же её и раскодируют. С 16.00 до 24.00 мы в готовности № 1. Целей нет. Что-то на командном пункте забыли про нас. Мы их не тревожим. Насколько эта техника надёжна. Она нам лучший друг. Можем попасть даже в отдельно стоящее дерево.

Около 22.00 позвонил Станкович – ищет Дани. Я дал ему номер телефона Дани. Уже третья ночь на этой позиции. Наверное, завтра или послезавтра покинем эту позицию и больше не вернёмся. Правда, однажды мы возвращались на прежнюю позицию. И это была ловушка, в которую мы наивно попали в Прхово. Это была самая длинная ночь в моей жизни. После огневого воздействия моего однокашника Джорджевича и наших тактических действий они оставили нас в покое.

Этой ночью сообщили об ударе крылатыми ракетами по Белграду со стороны Нови-Сада. Мы пока не знаем последствий. Я узнал от Црнобрня, что Вучкович психически „сошёл с рельсов“, как и подполковник Мийович, который после пуска ракеты по цели пришёл в себя. Вучкович ещё не очухался. В предыдущую ночь он наблюдал 50–60 крылатых ракет. Говорил, что картина на экране была такая, как будто рассыпали монеты. Как будто одна ракета стоит динар, так они ими разбрасываются.

В 22.40 позвонил Благоевич и спросил, есть ли у меня с собой кодировочные карты. „Думаю, что нет. Нужно посмотреть в Огаре, в сейфе у Дотлича. Посмотрю завтра“, – ответил я. Спросил его, есть ли что-то в воздухе, потому что П-18 у нас выключена. Он ответил, что сейчас рядом ничего нет. Наверное, они пока выбирают цель, время и место удара. Думаю, могут появиться в любой момент. Лучше пусть возвращаются домой и будут хорошими родителями, а не злодеями и убийцами здесь. На войне первой страдает правда. Народы стран агрессоров не знают, что здесь происходит на самом деле.

Данка мне на днях сказала, что мой зять Виктор и друг Пайче, которые живут в Триесте (Италия), хотят приехать. Они проявляют свой патриотизм на расстоянии, а это ничего не стоит. Как бы я хотел защитить Врдник, но у меня нет возможности. Это далеко. На днях я общался с кумом сестры Сузаном Томичем. Говорит, что дома уже поливала цветы, все в порядке и Врдник не бомбили.

Телефон в лагере постоянно занят. Нет гарантии, что когда будет нужно, то смогут срочно оповестить о чём-то. Похоже, они все расслабились. Напряжённость снизилась. Это, возможно, и хорошо, но это может нам дорого стоить. Объясняю это ослаблением рефлексов и разума.

Племяннице Бояне сделали операцию на гландах, и, похоже, удачно. Старшую племянницу Сандру я не поздравил с семнадцатилетием. Идёт война, когда и как я могу это сделать? Я подумал, что человек не умеет ценить то, что у него есть. И только когда это теряешь, то понимаешь, как этого не хватает. У нас был мир, но народ был недоволен. На это все и рассчитывали, в том числе и НАТО. Вот и ударили. Но они ошиблись. Мы оказались более обучены и подготовлены к войне, чем они предполагали. К чёрту правящую верхушку. Они – преходящая категория. Нельзя потерять независимость и государство. Нельзя стать чьими-то слугами. Цена за это высокая, но она оправдана. Я вспомнил разговор с бывшим парнем Наташи – Тодором. Он говорил, что не сможет никого убить, даже если его жизнь будет под угрозой. Он бы отдал всё, что от него требуют. Хотел бы я сейчас поговорить с ним на эту тему.

В 23.00 слушаю новости. С сержантом Бложичем ищем коробку с выпечкой, которую принёс Малетич. Очень хочется чего-нибудь сладкого.

В Белграде вчера была первая игра за время войны между „Партизаном“ и „АЕК“, которая была прекращена на 60-й минуте. По договорённости на поле выбежали зрители с югославскими и греческими флагами.

Солженицын сказал, что на пороге XXI века в мире царит закон джунглей во главе с НАТО.

Около 23.30 начался налёт с разных направлений. На удалении 50–60 километров в ожидании находилось шесть самолётов, а 3 или 4 пары устремились на нас. Один с азимута 180–190 приблизился на 15 километров и, когда я приказал включить поиск, выполнил резкий манёвр и ушёл из зоны на дальность 22 километра на азимут 240. Станкович дал его координаты подполковнику Джевичу, но он его не нашёл. С командного пункта Бригады потребовали, чтобы им сообщали обо всех целях, которые я наблюдаю. Это просьба о помощи или меня проверяют? Как можно командовать боевыми действиями своих подразделений и не иметь данных оповещения? Бардак, как всегда. Я был совершенно спокоен.

Суббота, 10.04.1999

Я проснулся в 7.00. Ко мне обратился командир инженерного подразделения подполковник Никола Станисавлевич с просьбой накормить 35 человек, которые придут к 10.00. Они работают на новой огневой позиции, которая уже готова на 70 %. Я сообщил об этом Дани. У него заканчивается дежурство, вот и пусть решает этот вопрос. А мне с 8.00 до 16.00 на дежурство. Когда я прибыл на смену, он мне сказал: „Поздравляю, дружище. Ты их всех распугал, и мне ничего не осталось“. Техника была выключена. Вчера вечером, когда приезжал генерал Бане Петрович, Дани получил звание полковника. Всем зачитали приказ. Я в это время был на дежурстве. Мне, своему заместителю, он не похвалился. Он знал об этом ещё в тот день, когда генерал Бига привозил русскую делегацию. Жика был прав. Этим и объясняется изменение в его поведении. Мы все его поздравили. Это был тринадцатый день после уничтожения „невидимки“. Следующие на очереди мы, только неизвестно когда. На Голеше ночью разрушили ретранслятор.

Около 8.30 позвонил Армуш. Попросил, чтобы с ним связался прапорщик Жугич или мастер Голубович по поводу запчастей для грузовика ФАП, который он ремонтирует. Представитель штаба Бригады подполковник Драго Стоячич сообщил, что в 15.00 Дани должен быть возле ресторана „Шарич“ на Ибарском шоссе. Полковник Станкович приказал, чтобы мы обеспечили продовольствием 35 человек инженерного подразделения Станисавлевича в Карловчиче, 9 человек Вучковича в Дече и 8 человек подполковника Байича в Прогаре. В 10.50 от Станисавлевича позвонил Дани. Я сказал ему, когда и где состоится совещание, и что майор Дотлич обеспечит продуктами дополнительно 52–53 человека в пунктах Прогар, Деч, Карловчич. Около 10.30 прапорщик Славко Варга привёз топливо на огневую позицию. Я сообщил ему, что вышел из строя генератор питания имитатора излучения и нужна ремонтная группа.

Около 11.50 в зоне действия на дальности 5 километров на азимуте 210 появилась цель, и тут же на дальности 30 километров на азимуте 300 появились ещё две цели. Пытались увидеть камерой ТОС, но ничего не нашли – низкая облачность. Данные по этим целям были получены от радиолюбителей, которые сообщали, что эти цели идут со стороны Сремской Митровици. Кто их знает, что он видели. РЛС П-18 работает прерывисто – один оборот излучаем, два-три молчим, и так далее. На П-18 находится солдат Радованович, а сержант Любенкович отдыхает. Меня вызвал на связь Благоевич и, между прочим, вставляет: „Джордже, где ты, легенда?“, что вызывает более позитивное отношение к нему. Я в это время разговаривал с майором Дотличем. Он придёт вместо Дани на дежурство в 16.00, потому что Дани уехал на совещание. Малетич начал мне говорить: „Эх, прошлой ночью сбили того...“. В это время по изменению нагрузки ДЭС я понял, что что-то происходит и сразу надел на голову каску.

В 13.38 объявили готовность № 3. По радио сообщили – Германия на ушах. Ельцин приказал нацелить ракеты на территорию Германии. Россия не допустит ввода сухопутных войск НАТО и захвата территории Югославии. Шрёдер остановил наращивание вооружённых сил Германии для вторжения в Югославию. Мадлен Олбрайт заявила, что Югославия является полигоном для проверки НАТО накануне XXI века. Правда медленно распространяется по планете. Я не участвовал в предыдущих войнах, но эти события выглядят, как прелюдия Третьей мировой войны. Нужно создать союз России, Белоруссии и Югославии. Поставлять нам оружие, а может быть, и разместить свои силы и средства на земле СРЮ. Тогда будет либо тотальная война, либо окончательный мир. Нужно предотвратить долгосрочный план НАТО по затягиванию петли на юге Европы. Европа делает глупость – добровольно участвует в планах НАТО, чтобы отрезать себя от источников нефти. Когда-нибудь Европа будет бороться с Америкой за сырьё или станет её рабом. Хотя во многом это происходит уже сейчас.

В 15.10 нас снова перевели в готовность № 1. На этот раз по причине постановки на дежурство. Ремонтники Жугич и Голубович восстанавливают генератор питания имитатора излучения. Мастер Голуб сказал, что сделал наспех, какое-то время поработает. Они принесли ведро тавотной смазки УМ-2 из ракетной батареи. Вместо Дани на огневую позицию на „Ниве“ приехал Дотлич. Разговариваем об улучшении тылового обеспечения. Я хочу, чтобы ремонтники прапорщик Жугич и мастер Голубович постоянно были рядом с нами, потому что очень часто возникает необходимость восстановления техники, дизель-генераторов и автомобилей. Варга пусть остаётся на складе топлива, а пищу надо выдавать в двух местах: у Йовича (на позиции „Стрела-2М“) и в лагере. Делаем калькуляцию, сколько всего пайков нужно для наших и сколько для прикрепленных подразделений. Дотлич нервничает и не понимает, почему это должны делать именно мы. На „Ниве“ уезжаю в лагерь. Отправляю водителя Лукича и Стояновича из взвода связи в Шимановци, чтобы они забрали около 700 метров ПТК-кабеля. Потом они поехали в Яково, чтобы оставить там лишнее оборудование, которое нам не нужно здесь. Они сделали всё как надо. На обратном пути они должны отвезти Седлака в Огар. В дивизионе в Яково никого не нашли – ни Миялковича, ни Седлака.

Вечером около 20.00 курьер солдат Коста Чурчич сказал мне, что на ужин принесёт жареного поросёнка. Перед этим я разговаривал с прапорщиком Йовичем об имитаторе излучения. Я требую от него, чтобы он находился в автомобиле с имитатором излучения для того, чтобы быстрее сработать в нужный момент. Он же находит тысячу причин отказаться. Страх творит чудеса. Он захватил его полностью. Убеждаю его, что это не опасно, что он будет излучать не больше 5–10 секунд, и мы тоже не больше. Это его не убеждает. Объясняю ему, что нужно время для захода самолёта в атаку, для подготовки и пуска HARM, для полёта ракеты. Говорит, что сам не понимает, почему так происходит, хотя последние 15 дней было по-другому. Он ещё не понял, что ситуация в воздухе постоянно меняется.

После ужина ложусь спать. Около 23.30 меня разбудил Дани. Он вернулся с совещания. Сказал, что командование Бригады подтвердило уничтожение только одного самолёта, который сбили мы. Передал мне бельё, которое Данка послала 7–8 дней назад. Сказал, что привёз модифицированный имитатор излучения, который сейчас находится в его машине. Привёз 4-й и 5-й номера журнала „Армия“. В одном из них, кажется в № 5, напечатано интервью со мной и фотографии нашего дивизиона, сбившего самолёт. Мы под другими именами. Я – Анджелко Джорджевич.

Полковник Тоша из учебного центра на совещании снял с себя погоны полковника и отдал их Дани. С вечера у Дани на мундире погоны полковника. Он говорит, что и все остальные получают звания, ордена, медали и всё прочее. Отвечаю, что это не главное в жизни. Сначала нужно всё это пережить, а почести потом, в мирное время. Дани сказал, что наш дивизион самый мобильный. До этого момента мы меняли позиции пять раз, завтра опять, если Бог даст. Завтра Пасха.

Завтра будет 41 год, как я родился – 13.04.1958. Дата не совпадает, но совпадает воскресенье и Пасха. Кто-то сегодня вечером сказал: „Дети – это украшение мира“. А я добавил: „И у нас есть дети“. В разговоре с Данкой сказал, чтобы завтра приехала к отцу. Там увидимся с ней. Она сказала, что покрасила яйца и купила что-то мне ко дню рождения. Не надо было. Тем не менее я тронут её вниманием. Её образ у меня перед глазами. Её забота обо мне. Уйдут все страхи, которыми мы обеспокоены – и её, и мои. Они разные, но очень похожие у всех людей. Это биологическая борьба за выживание. Как и в природе. Я люблю и уважаю природу. Природа – великий учитель.

Воскресенье, 11.04.1999

Я на дежурстве с 0.00 до 6.00. Взял с собой в кабину 4-й и 5-й номера военного журнала „Армия“. Читаем всей сменой статью про нас. Смеёмся над военным псевдонимом Драгана Матича – Ташко Начич. На фото всё как в реальности. Сержант Волф спит на мешках. Поручик Николич меняет лампочку „Запрет“ на второй пусковой установке. Ему помогает капитан Муминович. Техника защищает нас, а мы её. Уважение взаимное.

Начался налёт, быстро переходим в готовность № 1. На экране с азимутов 330 и 0–30 на высоте 6 километров наблюдаю 8 целей. Идут на нас. Ещё далеко. Передатчик команд включен, пусковые запитаны. Ждём в засаде. Мы стали терпеливыми охотниками. Большая игра нервов. Ставка большая – наши жизни за сбитый самолёт НАТО. Пилот в любом случае катапультируется. Его или схватят, или нет. У нас нет такого шанса, наш проигрыш – это гибель. Но если мы его пропустим, то будут новые разрушения и жертвы. Знают ли это люди? Знают ли это те, кто вчера пренебрежительно недооценивал нас? Знают ли они, скольких нервов, тревоги и ужаса стоит нам каждая ночь? Ночь, которая для них, возможно, ничего не значит. Они где-то в безопасности, неизвестно о чём думают и уклоняются от военных обязанностей. Завтра они будут самыми крикливыми. Они мне неприятны, и мне их жалко. Сколько в них низменных побуждений и эгоистических чувств. Чтобы с нами было, если бы мы все успокоились, как они? Почему я люблю эту страну больше, чем они? Почему бывшего парня Наташи Тодора очень обрадовал обломок F-117A? Не любит убивать – это удел убитого. Это все незрелость и глупость. Я не озлоблен, просто размышляю в эти ночные часы, пока не зазвонил телефон, и не поступило известие о начале налёта. Вероятно, нелюбовь к телефону у меня останется до конца моих дней. Жизнь по звонку. Организм расслабляется, а потом натягивается как струна. Мозг не работает. Бьётся ли вообще моё сердце? Часто думаю об этом. Не чувствую его. Может так и должно быть: оно стало маленьким в увеличенной от волнения груди? Герои наших дней. Некоторые считают, что глупо бороться за идеалы. Но ведь наш идеал – свобода и независимость страны.

Ельцин сказал, что не отдаст Югославию. Кто с нами играет и какова цена? Чьи мы в этот момент? Правда медленно растекается по миру. Что для кого правда? И я чей-то ребёнок. Завтра наступит тот день, в который молодая и красивая женщина мучилась за мою жизнь и дала её мне. Она заслуживает великой благодарности. Как только закончится война, зажгу на могиле свечу отцу и маме. Я знаю, что они меня оберегают. Чувствую резь в глазах. Неужели это момент слабости? Я остался один. Единственный, кто на этой земле ещё искренне заботится обо мне – это Данка. Мой величайший боевой друг и единомышленник. Успокаивая её – успокаиваю себя. Может, это ерунда, но это правда. Мы не великие, но и простые смертные творят чудеса. Чудеса происходят часто. И здесь рано или поздно произойдёт чудо, я в этом уверен.

На днях я узнал, что подполковнику Джевичу придан в помощь полковник Савич. В прошлом он сильно обидел меня, но я знаю, что у него много положительных качеств. Ту историю я спрятал глубоко в себя. Когда-то мы были хорошими приятелями. Опять жую жвачку. Может быть случайно, а может и нет. Об этом буду думать после войны. Что делает моя сестра в Италии? Знаю, что она взволнована и напряжена, заплакана и растеряна. Надо и её успокоить. Самое главное – беречь нервы. Нужно больше общаться, говорить и смеяться. Попытаться расслабиться. Это легко сказать и создать иллюзию. А реальность другая. Ночь – наше проклятие. Большое напряжение психики и тела. Ночь. Уже ночь Пасхи. Величайший христианский праздник.

Со мной на связи с П-18 сержант Радованович. Мой голос его успокаивает. Я чувствую это. Знают ли его родные, где и чем он занимается сейчас? Наверняка не знают. Но однажды узнают. Когда-нибудь мы все сможем об этом рассказать.

На Западе многие нас уважают, но есть и желающие уничтожить. К чёрту уважение! В действительности – жизнь высшая категория. Сколько нужно усилий, чтобы её сохранить? Только в некоторых случаях человек может сказать, что ему безразлична жизнь. Опасность порождает другие мысли, более значимые и искренние. Прапорщик Йович сказал мне сегодня вечером, что после войны уволится из армии. Смотрю на него и вижу в нём всех нас. Мы только теперь научились управлять своим страхом. Им управляет ужас и блокирует в нём всё хорошее. Он признался мне, что лечился. Круговорот семейной жизни разлучил его с врачом. Опять один на один с естеством. Опять круговорот, из которого он не видит выхода. Он знает, что где-то там, в темноте города его дети. Знает, что он их защищает на равнине Срема, но только тогда, когда он в норме. Но ни сегодня вечером, ни в прошедшие вечера он не в норме. И вопрос, будет ли вообще когда-нибудь. Сожалею о его недееспособности. Страх – это естественное явление. Я чувствую себя частью природы. Вопрос только в том, кто как контролирует страх.

П-18 не возвращается. Является ли это признаком того, что они уважают нашу Пасху? На свою они летали. Прилетали и убивали. Кто они на самом деле? Глубоко верующие?! Какое Божье или церковное правило до сих пор не было нарушено? До утра далеко. Два часа ночи. Обычная подготовка к дежурству: каска, фонарик, блокнот (мой военный дневник). Только для меня и Данки. Две пачки сигарет. Одна в правом кармане куртки, другая в левом кармане жилета. Привычка или суеверие? То же кресло, та же поза. Только ситуация в воздухе всегда разная. Борис Стоименов дремлет. В момент, когда он ворочается и занимает более удобное положение, спрашивает меня: „Что делается наверху?“ „Ничего. Сегодня Пасха“, – отвечаю я. „Да, да“, – согласился он сквозь дрему. Свет горел только у меня. Остальные в полумраке, под монотонный звук кабины и обогревателя. Связь не беспокоит. В окружении пяти телефонов и девяти каналов на пульте связи сижу со своими мыслями.

Носков с дивизионом переместился в Панчево, чтобы с Мийовичем защитить химический завод „Азотара“. Кольцо обороны недостаточно. Нужно защищать и другие направления. Позади меня Джевич. Моя любимая Фрушка Гора, теперь она источник моих забот. Надеюсь, что она не подведёт меня. Она закрывает сектор 330–350 градусов. Оттуда появляются и идут на нас. Расстояние около 30 километров. Слишком близко для отражения массированного налёта. С другой стороны ещё одна моя большая любовь – город моего детства Нови-Сад спит беспокойным сном. Излучение на СНР не проверяем, чтобы не выдать себя и не стать мишенью. Пока всё в порядке. Дани мне сказал вечером, что Джокич всё время держал высокое напряжение на передатчике. Могут ли определить частоту передатчика по эквиваленту? За эти 17–18 дней войны мы излучали СНР в течение нескольких мин ут. Из них 20–25 секунд при уничтожении F-117A. Прапорщик Варга смотрел на свой гадальный маятник. Суеверие. Говорит, что мы собьём ещё один. Таинственно спрашиваем его – когда и кто? Отвечает, что слава придёт внезапно, как и прежде. И что самое главное – мы не пострадаем. Но при этом надо быть осмотрительными. Они накажут нашу глупость или ошибку. Накажут нашу слабость, если ошибок будет много. Варга сказал, что Милошевич подпишет мирный договор между 15 и 20 числом этого месяца. Это ещё не точно и не скоро. Жизнь – это секунды и для нас, и для них. Гораздо больше для нас. Сколько ещё секунд до того времени? Слушаем новости в 3.00. Говорят, что в 15.45 где-то у Призрена сбили самолёт. Добавляют, что в 00.15 в районе Бачкога Брестовца, около Зренянина ПВО поразила ещё один самолёт. В сегодняшней газете написано, что 19 стран, которые участвуют в агрессии против СРЮ, имеют население более 900 миллионов и находятся в ряду самых богатых стран мира. Нас около 10–12 миллионов,

значит соотношение 1:90. Великолепно. Наша страна, в последние 7–8 лет измученная санкциями, входит в ряд беднейших стран Европы.

Сохраню эти номера журнала „Армия“. Я должен их подарить сыну. Чью жизнь я проживу, и кто её хозяева? Поистине, моя жизнь – это роман. Знаю, что каждый так думает о себе, и, вероятно, так и есть. То, через что я прошёл, укрепило меня. Но лучше бы не такой ценой. Потеря отца, кровавый распад Югославии, небывалые в истории санкции, разрыв брака, потеря матери и теперь война. Эта часть моей жизни принадлежит прошлому. Хорошо бы, чтобы такое прошлое было непродолжительным.

Жугич сегодня принёс и отдал Муминовичу три паяльника под подпись в накладной. Подпись на войне?! Как будто дал ему боеприпасы или оружие. Традиция мирного времени. Муминович спорить не стал. Дотлич, воин из Боснии, мой сослуживец. Ему пришлось больше заниматься организацией тыла. Человек должен родиться для некоторых дел – иметь соответствующий ген.

Волф играет в „Тетрис“ или во что-то ещё. На нём телефонная гарнитура. Молодость. В мою молодость этого не было. А его молодость – это война. Каждый что-то имеет. Это карма. Когда-то в школе я хорошо писал сочинения на сербском (тогда сербско-хорватском). Говорят, что только измученная душа красиво пишет. Тогда я, действительно, следуя течению мысли и трепету души, имел что написать. Беззаботность давно исчезла. Я часто вспоминаю детство. Сравниваю его с детством детей моих знакомых. С таким воспитанием никогда из них не получится настоящих людей. А может и получится. Тогда моё представление о спартанстве неверно. Действительно, верно то, что как ты рос, так и своего ребёнка вырастишь. Может быть, мы употребляем меньше грубых слов. Потому что мы более образованы. Но жизненного опыта у нас меньше.

Я закурил сигарету. Волф тоже. Мы оба заняты разными делами. Я записями, он игрой. Тратим время и жизнь. Тратим равнодушно, как будто чьи-то чужие. Пальцы Волфа ловко работают с кнопками. Сигарета в уголке губ. Неровно дышит. Наконец, выпускает дым и стряхивает пепел. „Дай отдых лёгким и береги здоровье“, – подумал я. Кнопки не убегут, будут и другие. И опять сначала. Приглушённо светит экран офицера наведения. На часах 4.20. Возможно, они прилетали в начале смены, чтобы поздравить нас с Пасхой, и теперь вернулись на базу? Они не настолько гуманны. Может, они нас уважают?! В чём их мотивация?! В том, чтобы летать? В любой машине, как бы она ни называлась, и сбрасывать бомбы на достояние какого-то народа. Не стоит об этом думать. Если бы вор думал по моей логике, то не было бы и воров. Нас сменили с дежурства в 8.00.

В 9.00 получаем приказ готовиться к маршу. Цирк продолжает движение, и мы, как его участники, снова уставшие и невыспавшиеся. Идём в район деревни Карловчич. Тщётно пытаюсь найти Армуша для решения вопроса с брёвнами. Сажусь в машину и еду к нему. По пути меня остановили двое резервистов. Я остановился и подобрал их. Известил Армуша, когда он должен быть в Попинцах. Он сказал мне, что решил проблему с ФАП. Силён парень. Он достал запасные части и отремонтировал машину. Большая ему благодарность.

В 11.00 мы прибыли в Карловчич. Данка ещё там не было. Через 15–20 минут приехала и она с Наташей и тёткой Марой. Пьём кофе.

Я ушёл на огневую позицию. Техника уже прибыла. Начали размещать. Кабину УНК установили не с первого раза – оказался коротким кабель от УНВ. Место для УНВ неровное. Вызвали машину для выравнивания грунта. Появилась группа каких-то людей (четыре мужчины и женщина). Сказали, что они из Правительства Сербии. Они приехали, чтобы навестить какого-то резервиста – сына женщины из группы. Правительство их защитит?!

Я определил место для имитатора излучения. Объясняю прапорщику Йовичу, как с ним работать. Дистанционное поворотное устройство, которое вчера привёз Дани, – неплохое решение. Сделано просто и примитивно, но работает. И это главное. Развёртывание идёт мед-

ленно. Ракетная батарея должна переставить пусковую установку. Кабели короткие, потому что Малетич разместил дизель-генератор с другой стороны от СНР из-за установленных около неё брёвен. На крышу УНВ по моему приказу положили штатную грунтозащиту – резиновый коврик толщиной около 10 сантиметров, который использует расчёт ракетной батареи для защиты кабеля около пусковой установки от горячей реактивной струи при старте ракеты. За время войны мы это делаем первый раз. Инженерное подразделение сделало нам земляную защиту – обваловку вокруг техники. Неплохо получилось, учитывая, как быстро сделали. Я отправился к Милану. Обедаю и моюсь.

Уже 16.20. Я не спал с предыдущей ночи. Весь день, всю ночь и снова весь день до 00.00. В 17.30 меня разбудили монтеры. Они пришли, чтобы подключить телефонную линию с гражданским номером. Спать буду у Милана. Есть возможность поспать 7–8 часов. Около 19.00 прихожу на огневую позицию. По пути встретил Тиосавлевича. Он ехал на „Урале“ в Шимановци, но машина не тянет. Пока холодная – идёт как сумасшедшая, как нагреется – не хочет ехать. Подсказываю ему, что это может быть топливный насос.

Днём мы фотографировались. Батарея наведения ракет, расчёт, который стрелял, и все остальные. Снимали нас капитан Голубович и прапорщик Жугич.

Около 21.30 мы ещё не перешли в готовность № 1. Трговчевич с командного пункта Бригады сообщил мне воздушную обстановку, и что над нами находится беспилотник на высоте 200 метров. Если это так, то он нас увидел и раскрыл. Сейчас для нас опаснее бомбы, чем НАРМ. Для нас это большая угроза. У нас неисправность техники. Проверяем все микропереключатели на УНВ. Батарея наведения ракет развернула схемы. „Битва, люди, схемы. Причина неисправности где-то в проводах“, – подумал я. Наконец, у нас получилось. Зря потеряли время.

Дождь моросит весь день. Сержанты Тиосавлевич и Радивоевич занимаются ориентированием СНР (привязкой к координатам местности). Командиров обеих батарей нет. Приказываю им прибыть на станцию. Они не правы. Капитан Голубович говорит мне, что давно не спал. „Со вчерашнего утра не моё время дежурства, и что?!“ – сказал я. Много раз ориентировали УНВ. Усталость делает своё дело. Потому и ошибаемся там, где раньше не ошибались.

Около 20.00 мне позвонил Црнобрня. Его окончательно прикрепили к дивизиону Носкова. Носков ушёл в Панчево. Через Белград прошли за 25 минут. Всё организовал Аца. Способный полицейский.

Люди измотаны и нервничают. Успокаиваю их. Холодная голова правильно думает, горячая – никогда. Я предложил Дани поспать у Милана. В любом случае мы всегда в разные смены и спим на одной и той же полевой раскладной кровати с самого начала войны. Говорит мне: „В конце концов мы и жён поменяем...“ Я улыбнулся и сказал, что этого никогда не случится.

В 22.55 Благоевич вызвал меня на связь и объявил готовность № 1. Спрашиваю его: „А кто тебе сообщил, что мы готовы на новой позиции?“ Он ответил: „Полчаса назад вам оставалось только сделать ориентирование“. Наверняка знает, что после ориентирования нужно выставить углы базы пусковых установок и установить ракеты. Я сказал ему: „Передай наверх, что я доложу, когда всё будет готово“. Говорит, что они не спрашивают обо мне. Это его интересует моя оценка о времени готовности. Идёт дождь, люди устали. Когда будем готовы – сообщу. Ещё немного, и я пошлю его в .... Почему меня всегда вызывают, если есть командир? Сегодня днём приезжали подполковники Джуро Дувняк и Мартин Джуриш из штаба Бригады. Ищет одного офицера наведения в Обреновац. Дани и я не дали никого, у нас нет лишних людей. У нас хороший расчёт. В смене Дани помощник руководителя стрельбы Голубович, а у меня Стоименов. Офицеры наведения Янкович и Муминович.

Мы ждём Роксандича, когда он установит ракеты на пусковую установку, чтобы доложить о готовности. Можем воевать. После возвращения со вчерашнего совещания Дани сказал мне, что Бригада поразила только одну цель – найдены обломки только нашего самолёта.

Сегодня нам не везёт. Много работали, много проблем. Поздравил людей с Пасхой, угостил домашними шоколадными конфетами, которые упаковала Данка. Все молча берут. Хвалят. На ужин, где-то около 22.00, принесли поросёнка и гриль. Кто послал, кто принёс – никто и не спрашивает. Сладко едим.

Семья Тодора послала мне крашеное яйцо, на котором написано: „Поздравляем с F-117A“. Варга на РЛС. Дани мне рассказал, как сегодня „поджёт“ Йовича – сказал, что якобы противорадарная ракета уничтожила автомобиль с имитатором излучения, и ему очень жалко. Йович был потрясён. Я сказал ему, что просил Йовича быть в автомобиле и излучать по пять секунд. Он умрёт от страха. Мы оба смеёмся. Сенад Муминович при переводе техники повредил средний и безымянный пальцы правой руки. Говорит, что повредил ключом. Усталость медленно собирает дань. Не знаем, куда делся Коста и солдат-тыловик из Попинаца.

Мы недостаточно мобильны. Муки танталовы.

В 23.30 доложил Благоевичу о переходе в „единицу“ – в готовность № 1. Спрашивает: „Ты устал, дружище? Наверное и твои люди утомлены?“ Говорю ему, что мы не спали 36 часов и перевод техники проводили в плохих погодных условиях. „Знаю и понимаю, приятель. Сочувствую тебе по-дружески“, – сказал он. Я удивлён. Всего полчаса назад он разговаривал совсем по-другому. Не интересуют его люди. „Кого они вообще интересуют?“ – спрашиваю сам себя. Так нельзя воевать, дорогой мой. Люди – это основа, сила и опыт. Без них вы ничего не сможете сделать. Если вы их потеряете в любом отношении, моральном или физическом, у вас нет перспективы. Мотивированные люди творят чудеса.

Спать буду у Милана и впервые за последнее время чувствую себя человеком. Буду спать в постели. Чистый и в нижнем белье. Действительно, это великолепно. Как мне это нравится!

Разговаривал с Данкой. Удачно добралась до Белграда. Говорит, что гордится мной, одним из героев нашей обороны. Необходимо понимать, что их много в этой войне.

Понедельник, 12.04.1999

Меня осторожно разбудил Милан. Как будят тень или кого-то сильно уважаемого. Достаточно было тихо назвать моё имя – и я открыл глаза и посмотрел на часы. Было 7.30. Я вскочил. Ненадолго забежал в ванную и вышел в гостиную. Нада уже заварила кофе и чай, пожарила яйца. На столе, кроме того, был русский салат и варёная ветчина. Тороплюсь. Поел немного. Содержимое стола выглядело нереально, как натюрморт. На дежурство прибыл вовремя. Раньше других. Подойти к технике было трудно. Милан дал мне резиновые сапоги. Грязь, липкая сремская грязь. Сегодня ночью бомбили Панчево, Нови-Сад, Крагуевац, Крушевац... Дани мне сказал, что во время дежурства они излучали три раза по 5 секунд. Получали оповещение по целям с командного пункта Бригады. П-18 их не видела, радаром СНР их тоже не нашли.

Дани мне сказал, что Носков струсил. Над ним находились 6–8 целей на дальности 8–10 километров, а он побоялся вести поиск. Его уже однажды обнаружили, и теперь ему страшно. Носков молчал, а другие вокруг стреляли.

Гадальный маятник Варги предвещает, что сегодня или завтра вторая смена должна стрелять и сбить самолёт. Это моя смена. По прибытии моей смены приказываю проверить ориентацию СНР и пусковых установок, а также микропереключатели, которые мы ночью заменили. Идёт дождь. Мне предложили маленькие пирожные, которые кто-то принёс в обувной коробке. Я поблагодарил и отказался. В 8.12 Лука Трговчевич объявил переход в готовность № 2. Проверяем технику.

В этот день родился мой отец. Если бы он был жив, следовало бы поздравить его с днём рождения и пожелать долгих лет. Теперь некого поздравлять. Надо позвонить Данке и попросить её пойти в церковь и зажечь свечу отцу. Я его очень любил. Жаль, что этого человека, моего создателя, я больше не увижу.

При проверке ориентирования техники выяснилось, что отклонение УНВ от севера составило 1 градус. Не хочу ничего трогать, потому что это не настолько важно при поиске целей. Дождь продолжается. Для меня гораздо важнее ориентация пусковых установок. Этим сейчас и занимаемся. Я предложил Дани пойти к Милану, чтобы помыться и поспать. Не знаю, пойдёт ли он туда. Моё дело предложить.

Закончили проверку ориентирования второй пусковой установки. Отклонение три тысячных по шкале панорамы. Запрещаю её трогать, потому что она работает с 4 ракетами. Отклонение 10,8 минут, а допуск 15,0. Идём на первую пусковую. Отклонение одна тысячная, в норме. С 11.00 должны были перейти в готовность № 1.

Сегодня второй день Пасхи, утром бились яйцами с Малетичем. Два-один в его пользу. Смеёмся. Малетич держит яйцо, которым разбил два моих.

Во время устранения неисправности на УНВ я встал на колесо. Оно провернулось, и я оказался в воздухе. Упал в лужу. Счастье, что не упал на прицеп. Я бы весь переломался. В результате всё обошлось. Очистил браслет часов. Всё в грязи, как и правое колено. Жду, когда высохнут брюки, чтобы почистить их щёткой. Дани, наверное, у Милана. Спит. Я не мог ему не предложить. Спим с ним поочерёдно на одной кровати с самого начала войны. Может быть, Милан и Нада считают, что я не прав, но по-другому я не могу. Потерпят.

Около 10.00 мне позвонил командир инженерного подразделения подполковник Станиславлевич и спросил, где будет следующая позиция после той, которую он сейчас оборудует в Дече. Эту он обещал сегодня закончить. Около 16.30 я разговаривал с Дани и передал ему эту информацию.

Второй день Пасхи. В субботу, когда мы ещё были в Попинцах, Малетич хотел побывать дома в Голубинцах. Отложил до воскресенья, до Пасхи. Но в этот день у нас был перевод

техники и передислокация. Мы переместились в район деревни Карловчич. Ему было обидно, что не получилось попасть домой.

Сегодня я пришёл на дежурство в резиновых сапогах. Мои форменные сапоги сушатся у Милана. Сегодня или завтра, говорит гадальный маятник Варги, предстоит снова стрелять. Готовит нас психологически. Малетич говорит, что несправедливо, что только Николич и Дани получили звания, а Николич ещё и орден. Нельзя допустить раздор и разлад между людьми. Говорю ему, что, наверное, в Бригаде идут на это, чтобы уберечь нас. Поэтому не публикуют наши имена и не поднимают до небес. Я чувствую, что война скоро закончится, и тогда мы все будем достойно вознаграждены. Позвонил интендант подполковник Йоксимович. Сказал, что отправил мне катушку ПТК-кабеля для взвода связи и обед. Он должен отвезти Военно-медицинскую академию Вучковича, который сломал руку. Как, когда и какую – не знаю.

Техника работает, и лучше как можно меньше быть на связи. Осторожность есть мать мудрости. Ветер дует довольно сильно и быстро сушит сремскую равнину. Подсохло и вблизи техники, нет прежней липкой грязи. На ДЭС счищают сажу. Малетич увязывает кабели. Я сижу на ступенях лестницы кабины и пишу. Сказал поручику Йовичу, что нужно с машиной, которая привезёт обед, переправить подполковнику Байичу камеру ТОС, чтобы он отправил её в Институт.

Кто-то говорит: „В каждой деревне мы будем по 2–3 дня“. Я рассуждаю вслух: „В Среме 125 деревень. Обалдеть. Это когда же тогда закончится война?!“ Все смеются. С каждым днём войны в нас всё меньше робости и страха. Приказал прапорщику Йовичу проверить состояние имитатора излучения и доложить мне. Мы должны в любой момент быть готовы. Нас ждёт неизвестность.

Уэсли Кларк заявил, что в НАТО всех очень удивила живучесть нашей ПВО, тактические действия и маневрирование. Я думаю, что есть ещё резерв в разнообразии тактических действий. Один из них – оставить работающую П-18 на прежней позиции, когда мы перемещаемся. Пусть думают, что мы ещё здесь. Тем более что мы с неё излучали. С этой позиции ночью Дани три раза излучал по 5 секунд, не имея целей на экране П-18. Это плохо. Что сделано – то сделано.

Данка вчера мне сказала, что разговаривала с моей сестрой Любицей. Она напугана и заплакана. В Италии мощная пропаганда. Переживает за меня. Данка ей в шутку сказала, что у нас еды достаточно. „Не важно“, – ответила ей Любица. Узнаю свою сестру, она не изменилась. Дети все в порядке. Бояна восстанавливается после операции.

Сегодня заседание министров иностранных дел НАТО. Заседает и группа G8. Ждём результатов. Венгры уже второй день не пропускают через свою территорию 70 грузовиков с гуманитарной помощью из России. Если дойдёт до крупной войны, то русские им это припомнят. Говорят, что проверяли каждый ящик, каждый пакет. Стало известно, сколько времени требуется, чтобы перенацелить русские ракеты на страны НАТО в Европе. Речь идёт о 12 минутах для Великобритании. Для остальных стран ещё меньше. Сегодня Союзная скупщина (парламент СРЮ – *Прим. перев.*) должна утвердить решение Правительства о вступлении в союз с Россией и Белоруссией. В январе мы получили особый статус специального наблюдателя в этой союзной организации. Я уверен, что если нас со всех сторон окружит НАТО, то когда-нибудь опять на этой земле будет война. НАТО не успокоится, пока мы будем зоной влияния России. Мы отрезаны от России территорией Венгрии.

Дождливый день превратился в солнечный. Дует ветер, и это хорошо. Малетич говорит, что хотел работать в Батайнице, а они разбили аэродром. Неудобно ему ехать из Голубинаца в Яково. Я предлагаю ему в Якове построить жильё. Смеётся. Говорит: „Могла бы местная община Яково и участок выделить каждому“. „Могли бы и в Белграде дать квартиру“, – отвечаю я шутя. „Хрен дождётся!“ – прокомментировал он.

Небо чистое, голубое, с одинокими белыми облаками, которые как будто хотят нарушить эту синеву. Мне это показалось очень красивым. Наслаждаюсь. Спокойно на душе. Так должно быть всегда. Волф опять играет в тетрис. Солдат-резервист Славиша расположился в середине кабины электропитания, у них хороший тандем с Малетичем. Земля почти просохла. Теперь не нужно пробираться по грязи. Доктор Джукич ещё не пришёл. Он должен перевязать палец Муминовичу и принести мазь для ног Малетичу. У него раны на ногах от пота и сапог.

Уже третий день албанцы нападают на наши пограничные переходы. Их разбили, вероятно, с большими потерями для них. Олбрайт предложила продолжить воздушные удары, пока не будут достигнуты их цели. Больная и сумасшедшая. Пентагон и ЦРУ критикуют её за то, что она не прислушалась к предупреждению о том, что Югославия не Ирак. Будут перемены. Я бы хотел, чтобы медведь пришёл в гости и к ним в дом – к умалишённым творцам нового мирового порядка.

Мы ещё не восстановили привод по углу места, а уже 14.15. Опять бьёмся варёными яйцами с Малетичем. Разбил ему переднюю часть яйца, а он мне заднюю. 4–2 в его пользу. Никак не могу сократить разницу в счёте. Из Шимановцев от Зорана, который нам установил связь, получил зажигалку в виде мобильного телефона и химический карандаш его фирмы. И то, и другое я ещё использую. Прибыл обед. Понимаю это по пикапу, который приехал на позицию. Стоименов отнёс им камеру ТОС. Отвезут её в Прогар Байичу для ремонта. Хорошо, что они не летают днём. Мы уже давно не спали. Даю Лукичу ключ от моего служебного „кеца“ (от серб. „кец“ – единица, кол; малолитражный легковой автомобиль «Застава 101» – *Прим. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.